

The book cover features a complex, layered illustration. At the top, a stylized rainbow arches over a central frame. Below this, a large, detailed anatomical heart is depicted, overlaid with several interlocking mechanical gears. A red ECG line pulses across the gears and the heart. The entire composition is set against a background of faint, dashed lines. At the bottom, there are silhouettes of a city skyline with various buildings and a tall lamppost with three lanterns on the right side.

Элла Крылова

СЕРДЦЕ МИРА

Элла Крылова

Сердце Мира

«Selfpub.ru»

2009

Крылова Э.

Сердце Мира / Э. Крылова — «Selfpub.ru», 2009

Все как всегда - главный герой пришел искать счастья и богатства в большой город, но не нашел ни того, ни другого. Приключенческое фэнтези про большую политику и заговоры, магию и науку, тайну рождения и загадочные манускрипты. Действие происходит в вымышленном мире, подозрительно похожем на Европу конца XIX века. Автор называет этот жанр "бульварное фэнтези", но в списке такого не нашлось.

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	15
Глава третья,	22
Глава четвертая,	33
Глава пятая,	40
Глава шестая,	47
Глава седьмая,	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

СЕРДЦЕ МИРА

Глава первая,

в которой главный герой по имени Райл приходит искать счастья в Сердце Мира. Однако все оказывается не так просто, как ему вначале казалось. Он идет на биржу и попадает к обаятельному работодателю Чарли. Все бы хорошо, но выясняется, что подписанный им контракт – это многолетняя кабала в качестве разнорабочего за жратву и крышу.

Все мы крепки задним умом. Конечно сейчас, сидя на тощем матрасике на нарах в «Счастливом завтра», я философствую и представляю себе другие варианты развития событий в тот злополучный день. И по всему все равно выходит, что я – первостатейный кретин. Как сейчас помню то утро, две недели назад. Я пристроился вслед за фургоном, который тащили два варана, и сжимал в руке три монеты – пошлина за вход.

– Ищешь счастья? – бездонные глаза седого пилигрима заглянули в самое нутро. – Ищи-ищи! Счастья другие ищут там, где иные его теряют. А такое все время происходит в толпе, глядишь, и повезет тебе...

Скучающий привратник принял монеты и кивнул, проходи, мол. Я и прошел. Поток человеческий подхватил меня и понес. Сейчас я думаю, что мне бы не идти бараноподобно следом за толпой, может и по-другому все вышло бы. Но тогда я был не в силах сопротивляться и шел, куда несла меня людская река. А несла меня река прямиком на Первую Торговую, куда она могла еще вынести от Полуночных-то Ворот?

– Эй ты, как там тебя, рыжий! – хрипло пробормотал мой чернявый сосед по нарам. – Принеси воды, сил никаких нет...

Я отвлёкся от воспоминаний и слез в узкий проход между двумя рядами нар. В очередной раз подумал, что работный дом похож на книжный шкаф. Полки, на которых рядами лежат люди-книги. Наверное в душе каждого несчастного, оказавшегося здесь, можно прочесть много интересного. Если ты умеешь читать в душах, конечно. Впрочем, если ты не знаешь букв, ряды книжных шкафов покажутся тебе либо бесполезной кучей дерева и бумаги, либо храмом неведомых богов. На этой мысли я подошел к бочке с водой и взял ковш. А ведь если бы вчера...

– Рыжий! – громким шепотом позвал меня сосед. – Ты где там?

Я зачерпнул воды и вернулся и на свое место, и к своим тяжким раздумьям. Воспоминания вновь унесли меня туда, на Первую Торговую, показавшуюся мне в тот момент просто цитаделью цивилизации и оплотом новой жизни и нового счастья, которого я так жаждал.

– Юноша, купите лошадь! – белозубый оскал этой девицы вполне мог сойти за улыбку. Просто дома как-то не было принято улыбаться так широко. И тут я сам же себя одернул: теперь мой дом здесь! А там – просто родина. А девица тем временем продолжала:

– Смотри, какая огненная кобылка, в масть твоим рыжим кудрям, красавчик!

Но человеческая река уже несла меня дальше. Между двумя широкими торговыми рядами, дальше к Кейктауэру. Воздушный шар. Там висел яркий воздушный шар, и мне

хотелось на него посмотреть. Я выворачивал голову, пытаюсь запечатлеть в памяти красно-зелено-желтый пузырь, висящий в воздухе, а толпа влекла меня дальше.

Не знаю, кстати, почему людской поток показался мне тогда таким плотным. Может и правда в тот день было особенно много народу, а может мне с непривычки так почудилось. Не успел я восхититься смельчаком, висящим в корзине под воздушным пузырем, как перед моими глазами возникли двое – один изображал птицу, стоя на ходулях, второй выкрикивал какие-то незнакомые слова. Смешно. Слова были знакомые, просто у меня тогда все смешалось как перед глазами, так и в голове.

– Стой, парень, не проходи мимо! Мгновенный портрет, память на всю жизнь!

– Лучшие в Сердце Мира орехи!

– ...вашиими делами займутся умнейшие из умнейших!

– Никогда не подходите к его витринам...

– Покупайте наши товары!

– Эй, рыжий...

Я снова вернулся в «Счастливое завтра». Мой сосед, приподнявшись на локте, делал мне знак подползти поближе. Его лицо не располагало к доверительной беседе, как, впрочем, и большинство здешних лиц. Когда я начал выделять их из человеческого калейдоскопа, то понял, что печать греха на каждом втором.

– Слушай, рыжий, у меня есть дельце одно... – Чернявый говорил едва слышным шепотом. – Надо одному товарищу отнести вещичку. А меня, сам знаешь, Чарли завтра из барака не выпустит. Поможешь?

Я молчал. Наверняка, если меня поймают с этой «вещью», то мне придется переехать в место еще менее уютное, чем теперь. Но если я откажусь сейчас...

– Сколько? – прошептал я.

– Десять, – сказал чернявый. Как же его зовут все-таки? Он ведь представлялся... Нехорошо, имена соседей надо помнить... – И тот человек может еще накинуть, но это уж ты сам, как умеешь.

Десять монет... Я вздохнул. Если добавить еще десять к моим тридцати восьми, будет почти пятьдесят. Еще две, и можно будет купить банковский вексель. Тридцать векселей – свобода...

– По рукам? – просипел Чернявый. – Тогда слушай...

Он начал рассказывать, каким рукавом надо пройти, чтобы оказаться близ дома под железной кошкой, и как потом надо спросить. Я запомнил все детально. Иногда мне жаль, что я рыжий. Приметный получаюсь. Надо будет завтра шапку натянуть, когда пойду. Нако-

нец чернявый замолчал и отвернулся от меня. Шутер. Вспомнил его имя. Он представился как Шутер. Олух Шутер. Только посоветовал Олухом его не называть, потому что такое обращение он позволяет только в трех случаях. А вот случаи я как раз не запомнил. Один точно касался симпатичных женщин. С другой стороны, не очень-то я стремлюсь называть его Олухом...

– Олух несчастный, куда ж тебя несет! – запричитала толстая тетка, об корзину которой я споткнулся. Как будто это помогло мне вернуться в реальность в тот день. Я вынырнул из человеческой реки и принялся помогать женщине собирать клубки ниток и маленькие брякающие коробочки, которые лежали в ее корзине. Мы с ней выхватывали товары из-под ног у прохожих, отряхивали от пыли, а один клубок пришлось спасти из-под колес не в меру ретивого рикши. Женщина отерла раскрасневшееся лицо фартуком и посмотрела на меня внимательно.

– Никак приехал только что?

Я кивнул.

– Что ж вам таким в отчем доме не живется...

Она подхватила корзину и, нырнув в толпу, мгновенно скрылась. А я остался стоять на месте возле дверей, покрашенных в синий, прямо под вывеской «Городская биржа». Слово это было мне совершенно незнакомо, зато возле этого заведения не клубились толпы народу, а мне надо было перевести дух.

– Может помочь тебе, парень? – вкрадчивый баритон принадлежал худощавому человеку неопределенного возраста. Одет он был в клетчатый плохо сидящий костюм и черную шляпу. На шее зеленый платок. Я молча разглядывал нежданного собеседника. Губы его заученно по-городскому улыбались, а глаза смотрели не холодно, нет... Этак, с прохладцей и оценивающе.

– Очень шумно тут, – ответил я.

Клетчатый снова быстро ухмыльнулся, потом лицо его стало серьезным.

– Тебе нужна работа, – кивнул он. – Хорошая работа и жилье.

– Я пока не думал об этом.

– О работе думать никогда не рано.

– Вы правы.

– Чем раньше ты определишься, тем быстрее устроишься, так?

Вот так я и попал в «Счастливое завтра». Дома мне никто не рассказал, что такое рабочий дом. Я не подозреваю своих родственников в злом умысле, скорее всего, они просто не знали. Зато теперь я знаю, и жизнь моя, получается, расписана на многие годы вперед.

Во всем надо искать хорошее... Я смотрел на ползущего надо мной по потолку толстого деловитого паука. Меня могли убить, ограбить и посадить в тюрьму. А здесь я должен всего лишь работать на благо города. Или вернее будет сказать – на благо Леденца. самого Леденца я никогда не видел, от его имени всегда говорит клетчатый Чарли. «Счастливое завтра» – всего лишь один из принадлежащих Леденцу рабочих домов. А всего их, говорят, больше десяти. Правда, не все здесь, в Сердце Мира...

На соседних нарах зашелся в кашле толстяк, опять вернув меня к реальности. Он тоже представлялся, но я тоже не запомнил имени. Дикстрикс? Вискрикс? Он рассказывал, что кашель свой заработал на каторге, рудная пыль и все такое. А я тогда слушал его и никак не мог понять, почему же он такой толстый? Все каторжники, которых я до этого видел, не сильно отличались от скелетов. Подумал это и про себя усмехнулся – а много ли я видел каторжников? Рубиновый Гро жил в хижине на окраине Озерного двора. Детьми мы думали, что он колдун. Седой, тощий, а глаза пронзительные и страшные. И еще был тот, другой. Он постучался в нашу дверь, а мама егопустила. Он был грязный, тощий, оборванный, а на руках широченные железные браслеты с обрывками цепей. Мы с сестрой спрятались под кроватью и боялись даже дышать. А мама деловито собрала ему узелок со снедью, и он ушел.

– Зачем тыпустила его, мама? –спросила тогда сестра. – Он же мог нас убить!

– Молчи, Галла! –прикрикнула мать. – Оба молчите. Ничего не было, вы ничего не видели...

А потом она еще шепотом добавила, что когда-нибудь добрый человек поможет и Райлу, попавшему в беду. Райл – это я. Только в Сердце Мира Райлом меня никто не называет, кроме Чарли. Остальные зовут просто Рыжий.

Странно получается. Когда стараешься о чем-то не думать, это «что-то» настойчиво лезет в голову. Вот с чего, спрашивается, я сегодня принялся вспоминать себя в тот день, когда я вошел в городские ворота? Никакого удовольствия ведь не получаю, просто каждый раз к моей кретинской сущности добавляется еще одна черточка. Нет бы вспомнить что-нибудь приятное... Ну или по крайней мере тратить время на что-то более полезное мне сейчас. Тридцать векселей. Закон. По типовому контракту с рабочим домом, если я предъявлю тридцать векселей, то мне можно будет уволиться, заплатив небольшой штраф. А не отрабатывать контракт до конца. А конец контракта – через десять лет. Чарли тогда еще сказал:

– Подписывай, парень, это все фикция, просто типовая бумажка! Уйти можно будет в любой момент, как только найдешь что-то получше.

А я был настолько глуп, чтобы поверить ему... Уже потом, в «Счастливом завтра», Рохля Бум поправил на носу очки и сообщил мне, что:

– Молодой человек, вы подписали контракт и теперь обязаны выполнить условия договора. В противном случае вы отправитесь в тюрьму, потому что денег на уплату неустойки за обманутые ожидания у вас не будет!

– А сколько эта неустойка?

– Столько, сколько стоит твое содержание и питание за все десять лет, оговоренные в контракте. Только не говори мне, сынок, что тебя обманули. Знаю я вас, прохвостов. Каждый такой вот приходит и думает, что поживет тут у нас на казенных харчах, а потом вильнет хвостом, когда захочет. Не выйдет! Твои документы будут храниться в надежном месте, а без документов ты в этом городе никто, понял, рыжая морда?!

Рохля Бум – адвокат. Никогда не знаешь, в какой момент он перейдет с елейно-вежливой речи на визгливые вопли. У него даже лицо становится каким-то другим, и он начинает размахивать руками. На последней фразе он поднялся из-за стола и угрожающе потряс кулаком у меня перед лицом. Потом снова сел и продолжил уже нормальным голосом:

– А теперь, молодой человек, покиньте мой кабинет и отправляйтесь к себе. Мало мне без вас, бездельников, дел...

Надо же, опять я об этом думаю...

Я так и не понял, что меня разбудило. А, проснувшись, обрадовался. Ночь – хорошее время, пусть и шумное очень. Соседи мне достались – врагу не пожелаешь. Хотя зря я так... Вот к примеру Шутер. Сегодня я ходил по его поручению.

– Вот, держи, – прошипел он, впихнув мне в руку что-то, завернутое в промасленную бумагу не больше яблока размером, только плоское. – Помнишь, куда отнести?

Я кивнул и вышел на улицу. Прошел до Бранного рукава, и тут мне в голову мысль стукнула – шапка же! Еще не хватало, чтобы какая-нибудь любопытная бабка рассказала оку закона, что в дом под кошкой приходил какой-то рыжий. Фараон же наверняка знает, что хозяин дома связан с Шутером. Придут они в «Счастливое завтра», а там – вот он я. Не отмоешься потом. Я полез в сумку за шапкой.

С верхних нар посыпалась труха. Прямо мне на лицо.

– Ты чего руками размахался, урод? – сипло прошептал кто-то, потом послышался звук плюхи и сдавленный вскрик. Я вздохнул. Мне повезло, что я сплю не наверху, хотя в нижних нарах тоже есть свои неудобства. Я осторожно, стараясь не потревожить спящего рядом Шутера, стал стряхивать мусор с лица.

Дом под кошкой я нашел далеко не сразу. Все-таки город я пока плохо знаю, а Бранный рукав завел меня в какие-то совсем уж кривые проулки, по которым я и блуждал почти до темноты, пока не увидел ржавую кошку на трех цепях (четвертая болталась оторванной).

– Кого там принесло, – голос был противным и визгливым. И хозяин был похож на свой голос – тощий, похожий на марионетку с несмазанными суставами. Я тогда еще шел за ним и прислушивался, не скрипит ли он на ходу. Он очень долго не хотел меня впускать, выпрашивал через цепочку, кто мои родители. Я рассказал. И три раза повторил в процессе условные слова, что пришел, мол, по объявлению о найме поводыря. После третьего раза он таки скинул цепочку, и я вошел. Наверное когда-то в этом доме был кабак. Во всяком случае, помещение, через которое мы прошли в начале, было похоже на кабачный зал – большое, пыльное, в углу камин, заросший паутиной, а у задней стены явно когда-то была стойка. Пока ее не превратили в кучу бессмысленных обломков и не украсили сверху парой сломанных

стульев. Хозяин провел меня к лестнице, такой же скрипучей, как и он сам, мы поднялись наверх и вошли в маленькую клетушку, похоже, единственное жилое помещение во всем этом здании. Тут была кровать, стол, стул, на стене висел гобелен с выцветшим оленем, а посреди комнаты на полу мерцала углями тяжелая жаровня на ножках. И пахло еще так... Незнакомо как-то. Будто траву кто-то жег...

– Давай сюда! – человек-марионетка резко приблизился ко мне, но я отстранился.

– Мама говорила мне, что вежливые люди никогда не начинают сразу разговор о делах, – быстро проговорил я заготовленную фразу. Если честно, мне было очень страшно. Вокруг трущобы, а я нахожусь в одной комнате с каким-то тощим безумцем. Кто знает, что он там под своим траченным молью халатом прячет? Но бросать посылку и бежать тоже не хотелось. Я же не пацан какой уже...

Получатель посылки отступил на шаг, нелепо взмахнул руками, его лицо обиженно сморщилось. Потом он полез под матрас, изредка недобро зыря в мою сторону.

– Две монеты! – сварливо взвизгнул он. – Больше не дам! И передай Олуху, что дрова заказывать больше не надо, зиму перебедаем.

Я повернулся на бок и уставился на тусклый огонек лампы на столе у выхода. Дома я любил перед сном мечтать и строить планы. А здесь стараюсь вообще думать поменьше, разве что перебираю, как четки, события недавних дней. Где уж тут мечтать, когда сосед напротив храпит, будто конь испуганный, сверху ворочаются два скандалиста, не прекращающие свои потасовки даже во сне, напротив заходится кашлем бывший каторжник Дикстрикс (или все-таки Викстрикс?)... Я бы может и помечтал, но одушевленная, перхающая, постанывающая и похрюкивающая темнота «Счастливого завтра» быстро возвращает меня к реальности. Вот например сегодня... Или уже вчера, пожалуй? Полночь-то давно позади...

Мне повезло. Чарли отправил почти всех обитателей работного дома на чистку большого слива канализации, а меня и еще двух парней – на доставку писем и посылок. Всего-то и дел – растащить гору конвертов и пакетов по разным адресам в Сердце Мира... Наверное у этого Чарли на меня какие-то виды – за эти две недели мне еще ни разу не досталась по-настоящему грязная и противная работа. В конвертах были приглашения на прием, а в свертках – маленькие сувениры, которые хозяин рассылал некоторым из своих гостей в преддверии важного события. Я уже третий раз вот так бегал по городу, так что порядок этот знал. Только одно из приглашений поставило меня в тупик. Предназначалось оно человеку, который жил за Микстурой – это такая река в северной части Сердца мира, за которой испокон веков селились разные отбросы общества. Во всяком случае, никаких особняков, вилл и прочих поместий в тех краях не водилось, а поскольку приглашения рассылал Дублон Свидла, известный богатый бездельник, то это было еще более удивительно. В прошлый раз я носил письма магистра Додо (вообще-то это прозвище, но настоящего имени университетского преподавателя я не знаю), и среди адресатов там хватало странных личностей, живущих в самых что ни на есть неблагополучных кварталах, но Дублон... Мне стало так любопытно, что я даже сам взялся отнести письмо за Микстуру, хоть и далеко это, на другой конец города надо было идти. Впрочем, я не пожалел...

Олух Шутер вдруг заворочался и прошептал:

– Эй, Рыжий! Ты спишь?

Отвечать не хотелось. Я и не стал. Пробормотал нечленораздельное и натянул на голову тощее одеяло. Шутер вздохнул, отвернулся и затих. Не хотелось мне с ним сегодня разговаривать. Опять окажется, что надо кому-то что-то отнести, а я набегался за день так, что мысль о пешей прогулке не вызывала у меня решительно никакого энтузиазма. Кроме того, завтра надо сходить в банк...

По карте выходило, что мне лучше всего было дойти до Первой Торговой, а оттуда Жучьим рукавом идти на север, потом свернуть, пройти вдоль Микстуры до мостика и я окажусь практически на месте, там можно будет спросить. Раньше я не видел эту городскую речку, зато теперь знаю, почему она называется Микстура. Очень похожей по цвету и запаху жидкостью наш толстый каторжник лечится от кашля. Когда у него есть деньги, конечно. Вонючего мутно-желтого флакона ему в прошлый раз хватило дня на три. А еще у нас есть модник один. Он постоянно прихорашивается, по вечерам сидит с иглой и ниткой – штопает свой бархатный костюм или перешивает какие-то старые тряпки в особо модные. Так вот он на прошлой неделе ходил лечить зубы. И зубной доктор сказал ему, что у него во рту завелись черви, которых нужно травить особой смесью, приготовленной из собачьей мочи. Наверное, врачи свои микстуры наливают из этой самой речки. Я проскочил мостик побыстрее, но все-таки оглянулся в поисках докторов с банками и ведрами, которые пришли сюда пополнить запасы лекарств. И еще мимоходом подумал, что может набрать водички из Микстуры и подарить ее Дикстриксу, все-таки он в прошлый раз и правда меньше кашлял...

Дом адресата я нашел сразу же. Среди маленьких завалюшек он выделялся, как верблюд среди овечек. Эта большая уродливая постройка, наверное, задумывалась как храм или что-то в этом роде. «Везет мне на людей, живущих в общественных местах», – усмехнулся я про себя, входя в помещение сквозь выломанную в незапамятные времена дверь. Вошел и остановился. Стало не по себе. Снаружи у здания были большие окна, а изнутри оказалось, что они покрашены, поэтому в зале было очень темно. Во всяком случае, мне после улицы показалось, что там совершенный непроглядный мрак.

– Эй! – осторожно позвал я в темноту. Сначала отозвалось гулкое эхо, потом где-то вдалеке зашевелились и послышались шаги. По дороге я много раз пытался представить, кто именно тот человек, которому отправил приглашение бездельник и транжира Дублон. Экзотический философ-иностранец? Колдун со странностями, прячущийся от властей? Чудящий аристократ? Ни один из вариантов не попал в цель – во-первых, это оказалась девушка. Никогда бы не подумал, что девушку могут звать Свир Дундук. Во всяком случае, именно это имя было на конверте... Девушка была красивая. В полумраке, правда, к которому я попривык. На вид ей было лет двадцать. Она приняла конверт, вскрыла его, пробежалась глазами по приглашению и усмехнулась. Точнее, хихикнула. И повернулась уходить куда-то вглубь своего странного жилища. Любопытство просто грызло меня изнутри голодной собакой, так что я не выдержал и спросил:

– Скажите, а за какие заслуги Дублон пригласил вас на свой прием? Простите мое любопытство... Я извиняюсь, но вы же никак не можете быть аристократкой, все его гости живут в южной части города... Простите, еще раз...

Девушка усмехнулась. На этот раз именно усмехнулась – цинично, по-взрослому.

– Он проспорил, – сообщила она. – И теперь вынужден провести со мной весь свой прием.

– Этот хлыщ умеет держать слово? – удивился я. Молва утверждала, что это самый ненадежный человек во всем Сердце Мира, что его словам нельзя верить ни в коем случае, а услуги оказывать, только если его деньги уже звенят в твоём кошельке.

– Нет, – ответила девушка серьезно. – Не умеет. Поэтому мне пришлось подстраховаться, и у него теперь нет выбора.

Она снова отвернулась и канула в темноту, а я не решился последовать за ней, хотя вопросов у меня на языке крутилось великое множество. Что был за спор? Что значит – подстраховаться? Почему выбора нет?

По дороге домой я завернул в «Пыльные страницы» повидать старого Креда. И рассказал ему про храм, про девушку и про приглашение. Сам не заметил, как рассказал, если честно. Очень уж хорошо Кред умеет слушать. Впрочем, ругать себя тут не за что, не особенно-то я хотел этот случай скрыть. Собирался даже товарищам по почтовым работам рассказать, наверняка ведь спросят. Хорошо только, что Кред попался все-таки раньше... Когда я вошел, он сидел за столом, беззвучно шевеля губами. Мне всегда нравилось смотреть, как другие читают. Сам я читать умею и даже люблю, но больше все-таки люблю смотреть, как кто-то водит пальцем по строчкам, перелистывает страницы и гримасничает, как бы споря с автором.

– А, это ты, сынок, – старый букинист оторвался от чтения и сдвинул на лоб очки. – Я как раз о тебе вспоминал только что. Вот, послушай, – Кред снова вернул очки на глаза и начал читать вслух.

– *«Об этом мы можем прочесть в древней инкунабуле «Сила духа или проклятье?»:*
...и тогда Император повелел выбрать из толпы десять случайных людей и подверг их испытаниям. Девять с честью вышли из них, одному же не хватило воли. Этот последний оказался колдуном. Так кто же после этого смеет утверждать, что магия есть дар, которым наделяют только крепких духом и сильных волей?! Мудрые люди говорят, что просить и умолять о помощи высшие силы могут только слабые. Сильные же верят в свои руки и свой разум. Слабый человек завистлив, он мечтает о мести, а это значит, что душа его открыта для всяческого зла. В эту лазейку и пробирается магическая скверна. Любой колдун отягощен пороками и представляет опасность, прежде всего на своих родных и близких, коим он мечтает отомстить в первую очередь...»

Я познакомился с Кредом через день после своего триумфального прибытия в Сердце Мира. Его магазинчик совсем рядом со «Счастливым завтра», я туда зашел сразу после разговора с Рохлей Бумом. Я тогда испытывал смешанные чувства. С одной стороны мне было ужасно плохо и обидно, что все так получилось, с другой же – я клялся себе всеми возможными страшными клятвами, что всем еще докажу. И увидел вывеску «Пыльных страниц». Зашел. Наверное, когда я состарюсь, я стану таким же как Кред – он не столько торгует книгами, сколько коллекционирует их. Он скупает любые напечатанные и рукописные тексты, которые позволяет его кошелек. Некоторые выставляет на продажу, некоторые дает почитать за небольшие деньги, а некоторые читает вслух желающим по вечерам. Мы разговорились тогда, я помог ему передвинуть шкаф, а он мне дал почитать «Хроники Суматошных войн».

Сказал, что мне пока что в самый раз. Вообще-то на самом деле период называется «Смутными войнами», а хроника – это просто сборник смешных историй и баек того периода. Хотя дед Бодо, наш сосед в Озерном Дворе, тоже называл эти войны суматохой, а он тогда служил в армии...

– Все это обман, сынок! – заявил Кред, дочитав. – Вот эта книга, – старый букинист показал мне обложку. – Она совсем новая, ее вынули из типографии не больше полугода назад. Кто-то почитал и оставил в парке на скамейке. А я забрал, конечно, не мог я мимо книги пройти. А здесь – вранье, очковтирательство! И ведь не пройдет и десяти лет, как в это, – Кред помахал томиком у меня перед глазами, – будут верить, а истории, записанные пером на бумаге, забудут.

Мне не хотелось с ним спорить, я ничегошеньки не понимал в вопросе... Хотя колдовство, о котором вдруг зашла речь, снова напомнило мне визит за Микстуру. И тогда я начал рассказывать про Свир Дундук. Я хотел сначала просто упомянуть о визите и поговорить про Микстуру, но в конце концов рассказал все. Даже про цвет платья девушки, оказалось, что я его запомнил, а мне казалось, что не разглядел в полумраке. Хотя может я и придумал, что она была одета в красное... Если много о чем-то думать, то это «что-то» незаметно обрастает всякими подробностями, которых в начале вовсе даже и не было.

– Все это действительно наводит на мысли о колдовстве, сынок... задумчиво проговорил Кред, выслушав меня. – Только, знаешь... Не стоит никому рассказывать больше про эту Свир Дундук. Расскажи своим товарищам что-нибудь... Ну что например там поселился эксцентричный философ, которого ваш этот аристократ пригласил на свой прием в качестве экзотической диковинки... Все равно никто из вашего рабочего дома на прием не попадет, и уличить тебя во лжи не сможет.

Вообще-то я и сам так думал, пока рассказывал про приглашение Креду. И даже немножко пожалел, что ему рассказал. Конечно, страсти по колдовству уже улеглись. А затянувшаяся война перестала волновать народные души еще когда я под стол пешком ходил. С тех пор новости с границ воспринимались как нечто обыденное и привычное, как дождь или снег. Какие-то колдуны сбежали под крылышко короля Дремора, каких-то убили, ну а кто-то может и затаился. Правда с тех пор у нас за любое волхование отправляют на виселицу, костер или с обрыва в море скидывают. Высочайший эдикт Штатов правосудия гласил, что праздные разговоры о колдовстве, шаманстве и магии смущают умы и ведут к помешательству, и всякого, кто их ведет, надлежит заключать в дом умалишенных. Это в лучшем случае. В худшем – казнь за шпионаж, пособничество врагу и опасное вольнодумие.

Глава вторая,

в которой главному герою предлагают бежать из города, но он отказывается. В случайной книжной лавке, куда его занесло в процессе раздумий, Райлу встречается темная личность и вручает странную книгу.

Еще не проснувшись до конца, я понял, что день сегодня будет плохой. Откуда в моей голове родилась эта мысль неведомо, еще даже дежурные в гонг не били. Я открыл глаза одновременно с первым ударом. Шутера рядом не было. Вчера он ложился спать, как обычно, а сейчас место рядом со мной пустовало. Думать спросонок мне не хотелось, поэтому я достал из-под нар свою миску и поплелся завтракать.

– Сегодня у половины из вас будет выходной! – заявил Чарли, прохаживаясь перед нашим неровным строем и комкая в руках несколько листов бумаги. – Через одного. Посчитались, быстро!

Мне выпало работать. Впрочем, я был убежден, что так и будет. Никогда не верил в силу предчувствий и прочих там прозрений. Магия – она или есть, или ее нет. Если есть, то ты можешь напускать ядовитый туман, швыряться огнём или исцелять наложением рук. Если же ее нет... То просто нет. И все. А предчувствия – это самообман. Настроение плохое, вот и все. Так я стоял и себя успокаивал, выслушивая задачи для нашей группы на сегодня. Ничего веселого, но и ничего особенного. Собрать мусор в парке, потому как вчера там какие-то неназванные господа устроили пикник, подрезать кусты и деревья, заменить фонари, у которых стекла разбились. Ну и еще по мелочи. Все сплошь последствия той самой господской гулянки устранить и привести парк в надлежащий вид. Чтобы следующие господа, возжелавшие веселья на лоне природы, пришли не на замусоренную помойку, а в аккуратно прибранный...

– Ты! – палец Чарли уперся мне в грудь. – Пойдешь со мной. Потом всех догонишь.

А может все-таки не ерунду говорят про предчувствия? Мама моя в них верила, да и вообще... Я шел следом за Чарли и смотрел в его клетчатую спину. Сейчас мы дойдем до Рохли Бума и начнется...

– Райл, – медовым голосом начал наш адвокат. – Ты вчера относил письмо за Микстуру? Можешь не отвечать, нам твои товарищи все рассказали... – Голос Бума стал просто приторным. – Скажи-ка нам, любезный, а кто оказался адресатом?

Не знаю уж почему, но мне стало не по себе. Я ведь совершенно ни при чем! Я просто донес письмо! Кто мешает мне рассказать, как все было на самом деле? Я открыл рот...

– О, господин Бум, меня встретила очень колоритная личность! Весь седой, но лицо молодое, не иначе – крашеный. А уж одет – ужас! Мантия до пят из цветных лохмотьев, а на голове чалма. Угостил меня пастилой и пытался рассказать, как мир устроен. Но я слушать не стал, пошел дальше разносить письма.

Интерес в глазах Бума поугас. Он почмокал губами, потом потянул носом воздух и повернулся к Чарли.

– Знаешь, Клетчатый, в Сердце Мира вроде как нет недостатка в воде. Гонял бы ты их мыться почаще. Убирайся! – это уже мне. – Аудиенция окончена, неужели непонятно?!

Опять я не успел предсказать, в какой момент адвокат перейдет на истошный вопль с нормального тона. Не быть мне пророком, мда...

Чарли выскользнул из кабинета Бума почти сразу за мной.

– Ты знаешь, куда идти, ннда? – черт, меня и так-то передергивало от взгляда Чарли, а сегодня он просто-таки сверлил меня глазами. – Иди работать.

Я пошел. До самого поворота я чувствовал, что Чарли смотрит мне вслед. Но оглянуться не решился. Хотелось броситься бежать вдогонку за своими, схватить какую-нибудь метлу или лопату и работать-работать-работать. Но тут я вспомнил, что так до сих пор не купил вексель. Правда банк – это не совсем по дороге, но кто меня сейчас проследит? На душе стало веселее, и я свернул в Змеиный рукав.

В Озерном дворе змей боялись до одури. Считалось, что даже упомянуть в разговоре змею означало навлечь на себя беду. Сначала это была легенда, а потом осталось только суеверие... Правда очень уж навязчивое суеверие. Пройти под чугунной змеюкой, висящей в самом начале рукава, я не решился, обошел по стеночке, игнорируя удивленные взгляды прохожих. А в легенде говорится, что отец-основатель Озерного двора Луган (тоже, кстати, рыжий, согласно преданиям, как и я же) явился в эти места и вбил кол в самую что ни на есть змеиную нору. А ночью явилась к нему девушка, прекрасней которой он раньше не видел. Попросилась на ночлег. Он впустил ее, жена его подала ей поесть, уложила спать, хотя дома еще как такового и не было, один только шатер. Девушка эта прожила три дня и три ночи, потом соблазнила Лугана, а потом обернулась змеей, укусила его и прошипела проклятье. В общем, Луган умер, жена его тоже умерла от тоски, а из детей остался только младший сын, тогда еще младенец. Его взяли на воспитание, вырастили, он женился, потом у него родились дочь и сын, и вроде все было хорошо, но его укусила змея, и он умер. То же самое случилось и с внуком Лугана. А правнук его отправился к колдуну в лесу просить совета. Тот сказал, что чтобы проклятье снять, нужно поклониться королеве змей и принести дары. Если она дары примет, то проклятье спадет. Если же нет, то придется Озерному двору с этим жить до скончания времен.

Собрали совет, долго гадали, что дарить, в конце концов собрали целый воз яиц, молока, цыплят живых и всяких прочих припасов, до которых змеи охочи. И отправился правнук Лугана с этим добром искать логово змеиной королевы. Его труп нашли через неделю на краю болота. Яйца были побиты, молоко прокисло, а цыплята сдохли. Не приняла королева даров. А когда хоронили тело, мертвый парень открыл глаза и сказал: «Не зовите – и не придут они!» И рассыпался в прах. С тех пор и не упоминают у нас змей вообще.

Вроде бы сказка, а мне все равно не по себе было, пока я шел Змеиным рукавом. Тут змеи на каждом доме, мне приходилось делать над собой невероятное усилие, чтобы не плевать в сторону каждой из них, как у нас принято. В общем, я с облегчением выдохнул, когда на Малой Тележной свернул в один из безымянных рукавов, ведущих к Первой Торговой, недалеко от которой банк и располагается.

– Эй, Рыжий! – знакомым голосом обратились ко мне из подворотни. – Иди сюда!

Я остановился и пригляделся. Шутер. В нахлобученной на самый нос шапке, укутанный по самый нос же, только снизу, полосатым шарфом. И с ним еще какой-то тип, незнакомый.

– Слушай, Рыжий, дело есть! – Шутер схватил меня за руку и утащил в темный тупичок. Я мысленно вздохнул. Знаю я эти дела Шутера... Неважно, спит он со мной на одних нарах или сбежал и бродит по улицам нелегальный и без документов.

– Что за дело? – как ни в чем не бывало спросил я. – Только давай скорее, а то меня хватятся...

– Хочешь на свободу? – с места в карьер спросил он. – Ты же толковый парень, не будешь же ты все десять лет на Леденца горбатиться?

На свободу? Получить образование, стать врачом... Нет, лучше адвокатом, как Рохля Бум. Или открыть собственную книжную лавку, как Кред. Или...

– Эй-эй! – Шутер дернул меня за рукав. – Ты что замечтался, рано еще мечтать! Есть дельце одно, которое в конце обеспечит свободой и документами. Не в Сердце Мира, понятное дело. Отсюда придется удирать во все лопатки. Но дело верное. Ты как, в деле?!

Я молчал. Правда, не знал, что ответить. С одной стороны, я был обижен на судьбу за «Счастливое завтра», с другой – эта обида еще не означала, что следует, очертя голову, кидаться в какие-то убийственные авантюры...

– Отлично! – Шутер закашлялся. – Значит, слушай, что надо сделать...

– Молчи, Олух, – вдруг вмешался в разговор незнакомец. – Он еще не ответил.

И тут, ей-ей не вру, глаза этого незнакомца сверкнули красным. Колдун! Я просто опешил. Встретить колдуна в самом сердце Сердца Мира! Это только я мог угодить в такую переделку...

– Знаешь, Шутер... – я старался не смотреть в сторону страшного второго собеседника. – Давай разойдемся. Я тебя не видел, ты меня не видел. Я же простой деревенский увалень, какой из меня интриган? Мне все эти тайные дела поперек горла. Удачи тебе всяческой, а я пошел, хорошо?

Шутер посмотрел на незнакомца. Я тоже на него посмотрел. Тот кивнул:

– Убирайся по своим делам, – какой все-таки жуткий у него голос. Будто дверь несмазанная скрипит. – Если хоть словом проболтаешься...

Тут он неуловимым движением приблизился и схватил меня за волосы. Я готов был закричать, но он уже отпрянул, улыбнулся победно и продемонстрировал прядь моих же волос в своей руке. Я пулей вылетел из тупичка.

Надо было идти кружным путем, а не сворачивать в Змеиный рукав, думал я, оглядываясь на каждом шагу. Кстати, пока я мог видеть, из подворотни Шутер с этим колдуном так и не вышли. А если бы я пошел по-другому, то и до этого рукава бы не дошел, и не встретил бы Шутера с этим... С такими мыслями я открыл дверь банка.

Когда я снова вышел на улицу, эпизод с колдуном уже не казался мне таким уж страшным. Я даже начал думать, а не сглупил ли я, отказавшись? В конце концов, колдун не обязательно злодей. Свобода, опять же. Документы новые... Наверное, банк произвел на меня успокаивающее действие. Теперь у меня есть вексель, и лежит он у них на хранении. Вежливый и обходительный работник банка объяснил, что нет необходимости держать такую ценную вещь под матрасом в «Счастливом завтра». Я с ним согласился.

Не хотелось идти на работу. Я шел и придумывал, что именно могло бы помешать мне явиться в парк и присоединиться к моим «коллегам по цеху». Самое простое, что первым приходило в голову – заблудиться. В конце концов, я здесь не так уж и давно, а Сердце Мира – город большой. Свернул не туда, оказался в незнакомых местах, запутался в рукавах и площадях... Не такая уж и ложь получится, учитывая то, что город я действительно пока что знаю не очень хорошо. Только куда пойти? Можно вернуться в «Счастливое завтра», понутив голову признать себя кретином и идиотом, получить нагоняй и задание навести порядок в бараке. Можно действительно поклоняться по улицам и поизучать город. А можно пойти к Креду. Правда там меня может заметить кто-нибудь из наших, все-таки «Пыльные страницы» совсем рядом с рабочим домом... Я шел, размышляя обо всем этом, пока глаза мои не наткнулись на вывеску «Читальный дом Расмуса». Наверное, это знак, подумал я и решительно открыл дверь.

Помещение было и похожим, и непохожим на «Пыльные страницы» Креда. Похожесть заключалась в книгах, конечно. Их было много, и они стояли рядами на полках. В остальном «Читальный дом» был совершенно другим. Я даже замешкался на входе сначала. Собственно, я замешкался из-за паркета. Да, я тоже был очень удивлен тем, что пол библиотеки или книжного магазина, я пока еще не понял, куда попал, напоминает бальную залу. Потом я увидел рядом с порогом корзину с большими мягкими тапками. И табличку над корзиной «Надевать поверх обуви».

Может это музей? Мама рассказывала мне, что такие тапки бывают в музеях, где пол представляет собой самостоятельное произведение искусства. Мои размышления у корзины с тапками прервал девичий голос:

– Эй, мистер! – голос раздавался откуда-то сверху, поэтому я задрал голову. Под самым потолком на лестнице действительно стояла юная леди в закрытом темном платье. Обеими руками она прижимала к груди несколько книг.

– Мистер, не могли бы вы мне помочь?

– Конечно, милая леди, что я должен сделать?

– Помогите мне спуститься, пожалуйста! Лестница качается, я боюсь, что упаду.

– Ааа, – я махнул рукой в сторону корзины с тапками.

– Оставьте! Это выдумка моего отца. Очень полезно, когда нужно, чтобы шаги были тихими. Но это важно, когда есть посетители. А сейчас никого нет. Но помогите же мне!

Я направился к лестнице, смущенно думая о том, как бы ненароком не посмотреть наверх. А посмотреть меж тем ужасно хотелось. Потому как девица наверху выглядела очень даже симпатичной. Эх. Порой моя скромность доводит самого меня до отчаяния. Помнится, когда мы заблудились с Марикой в лесу...

– Райл, мне страшно, возьми меня за руку...

Я взял, конечно. И забормотал успокаивающе, что мы совсем недалеко от дома, что скоро увидим огни наших окон и все такое. А она сжимала руку все крепче, а потом вдруг взвизгнула, прижалась ко мне всем телом и задышала в самое ухо:

– Там кто-то есть, я боюсь!

Мы молча стояли, прижавшись друг к другу, она взволнованно дышала, я каждой клеточкой тела ощущал ее дрожь, как сейчас думаю, вовсе и не от страха даже...

– Показалось, – прошептала она, но отстраняться не торопилась. Ее глаза блестели в темноте, вдалеке бормотал ручей, загадочно мерцали звезды... Потом вдалеке залаяла собака, я смутился.

– Эй, мистер! – вернула меня в реальность девушка на лестнице. – Возьми, пожалуйста у меня книги и поддержи лестницу!

Я протянул руки вверх, на мгновение перед моими глазами мелькнули ее стройные ноги в полосатых чулках, а потом шаткая стремянка закачалась и рухнула. Прекрасная библиотечка упала в мои объятия, я не удержался на ногах и...

– Ооох! – девушка пошевелилась, потом захихикала, потом ойкнула. – Локтем ударила. А ты как, живой?

Я был живой, так что кивнул, поднялся со сверкающего паркета и галантно, как мне показалось, подал руку даме. Она прыснула, сидя на полу.

– Такой идиоткой себя чувствую, вы уж простите, мистер, – она поднялась и встала напротив меня. Ее голова едва доставала мне до плеча. Пока она стояла на лестнице, не было заметно, какая она коротышка. Или совсем ребенок, или...

– Ох и невежа же я, – она смешно всплеснула руками. – Меня зовут Ада. Я работаю в магазине моего отца Расмуса уже семь лет. Я просто уродилась такая маленькая, а на самом деле уже вполне взрослая и самостоятельная.

Я улыбнулся и шаркнул ногой.

– Меня зовут Райл. Я зашел к вам, потому что мне вывеска понравилась. И книги я очень люблю. Только вот на покупку их у меня пока что денег нет... И если это будет препятствием для нашего знакомства, я готов покинуть этот гостеприимный дом...

– Нет-нет, что вы! – Ада кинулась собирать рассыпавшиеся по полу книги. – Мы с отцом понимаем, что тяга к знаниям совершенно необязательно сопровождается толстым кошельком! У нас можно взять книги почитать за совсем небольшие деньги или почитать прямо здесь. А еще можно оказать нам кое-какие услуги. Мой отец мало что может сделать по дому, он вернулся с южной границы без ног, так что теперь ездит на каталке. Поэтому нам очень часто требуется помощь молодых здоровых мужчин, которые помогли бы справиться с нашим домом. Когда я выйду замуж, будет попроще, только пока не нашлось желающих жениться на такой пигалице, да еще и рыжей к тому же.

И только тут я заметил, что она тоже рыжая. Наверное, если бы ее волосы были распущены, я обратил бы на это внимание раньше, но они были стянуты в тугую косу.

– Да, – кивнул я. – Быть рыжим – то еще удовольствие в наши дни.

– Вы меня понимаете, мистер, – похоже, Ада очень большая любительница поболтать. Слова сыпались из нее как горох. Но мне нравилось ее слушать. И как только я собрался сказать ей, что с удовольствием войду в круг помощников по дому, допущенных к чтению, как над дверью звякнул колокольчик.

Вошедший человек был очень высокого роста. Он был одет в темный дорожный костюм, сказать точнее, какого он был цвета, я затруднился бы, потому как в помещении царил некоторый полумрак, а одежда посетителя была изрядно запылена. Голову прикрывала кожаная шляпа с широкими полями, в руке – объемистый саквояж. А сапоги говорили о том, что он путешествовал верхом.

– Здравствуй, Ада, – устало сказал он. – У тебя посетитель?

– Здравствуйте, мистер Од. Мы разговаривали. Если у вас важное и срочное дело, то мы вполне можем отложить нашу беседу, правда же мистер Райл? Работа прежде всего, как учит меня мой папенька!

– Тогда пусть молодой человек присядет, я тебя надолго не займу, – мистер Од опустил на пол свою сумку, раскрыл ее и извлек из недр три небольших томика. – Это стихи Ландага Моа, Повесть о туманных даях и травник, первый из трех. Я обещал их твоему отцу, возьми. А мне нужна книга с чистыми страницами, ты знаешь, где твой отец их держит?

– О, мистер Од, неужели вам удалось... – Ада торопливо схватила три книжки. – Да-да, конечно я знаю! Сейчас принесу.

Она опрометью выскочила из зала, скрывшись за ширмой, которую я сначала даже не заметил. И в тот же момент незнакомец стремительно приблизился ко мне, сунул мне в руки какую-то книгу и прошепел:

– Спрячь. И не звука!

Когда Ада вернулась, мистер Од уже стоял со скучающим видом на том же месте, где она его и оставила. А всученная мне книга надежно покоилась у меня за пазухой. Я же сам мучительно пытался сделать вид, что ничего не произошло. Сам же сгорал от любопытства.

– Вот то, что вы просили, мистер Од, – Ада протянула пыльному посетителю томик в ярко-красном переплете. На обложке была выгравирована та же эмблема, что я видела на вывеске – раскрытая книга, глаз и перо.

– Спасибо, Ада, – снисходительно кивнул загадочный мистер. – Мне пора. Передай отцу мои сожаления о нашей несостоявшейся встрече.

Мистер Од вежливо приподнял шляпу, взял с пола саквояж и вышел. Только колокольчик звякнул.

Ада повернулась ко мне. Я вскочил и, пока она не успела снова начать говорить, принялся торопливо прощаться.

– Я так очарован вами, Ада, что совсем забыл о делах. Мне срочно нужно бежать, но я обязательно приду снова. Надеюсь, еще не раз вас увидеть.

Выскочив за дверь, я покрутил головой. Ага, вон там мелькнула кожаная шляпа на высоком человеке. Я почти бегом устремился следом за мистером Одом. Как назло, он направился в самую людную часть города. А еще я никак не мог к нему приблизиться. Я проталкивался через бесконечную толпу на Цветочном базаре, стараясь не потерять его из виду, потом уворачивался от многочисленных торговцев Безухого рукава, потом сворачивал еще в пару переулков, совсем было отчаялся, когда понял, что потерял его из вида на Большой Торговой. Но его приметная шляпа снова мелькнула близ Лягушачьего рукава, и погоня продолжилась. Я должен был его догнать! Но не догнал... Я остановился и огляделся. Вокруг была незнакомая маленькая площадь, окруженная двухэтажными кирпичными домами, балконы которых были украшены голубыми цветами. Из нее выходило только два рукава, кроме того, по которому я пришел. Людей почти не было, разве что торговец пирожками и пара пацанов, шумно гонявших жестяную банку. И еще какая-то толстая матрона пялилась на меня из окна. Я вздохнул. Теперь мне не придется врать – я и в самом деле заблудился. Я просто-таки представления не имел, куда меня завел этот незнакомец в шляпе. Ужасно хотелось достать из-за пазухи книгу, но я не рискнул. Мало ли что там, вдруг этого не должны видеть тетка в окне и продавец сдобы...

Глава третья,

в которой Райл знакомится с вторым главным героем, шпионом соседнего государства, с которым идет перманентная война. Райла принимают за другого, и пока разбираются в этом недоразумении, их застает Чарли. Он выгоняет Райла с работы без денег и документов, пообещав не сдавать того жандармам из личной симпатии.

Просыпаться не хотелось. И вспоминать вчерашний вечер тоже не хотелось. Когда я нашел дорогу в «Счастливое завтра» было уже темно. Я явился с повинной, едва переставляя ноги. Мне устроили такой разнос, какого я и представить себе не мог. И на сегодня лишили завтрака. Я уж не говорю о вчерашнем ужине, который я пропустил. Так что мой желудок прилип к позвоночнику и обиженно похрюкивал.

На утреннее построение я шел, как на эшафот. Но вопреки моему дрянному настроению, Чарли был в отличном расположении духа. И даже его уродливый костюм на нем сидел лучше.

– Вы семеро, – Чарли жестом показал, с какой стороны строя считать, – отправляетесь сегодня на Холмы Великанов. Собирайте личные вещи, вы пробудете там не меньше недели. Будете чинить дорогу. На вас троих, – следующий взмах руки, – пришел заказ от вдовы Шамиры. У нее пикник с банкетом, нужно обустроить площадку, потом подавать блюда и все такое прочее. Считайте, что повезло. Вам восьмерым сегодня предстоит...

Меня и Дикстриса Чарли определил на уборку барака. Он назвал его по имени, так что теперь я точно убежден, что не забуду первую букву. Напарник он, конечно, так себе. Но зато у меня будет возможность пролистать вчерашнюю книгу...

– Слушай, Рыжий, – Дикстрикс присел на нары, чтобы отдышаться. – Ты не знаешь, что случилось с Олухом?

Я чуть не уронил тряпку. Но потом взял себя в руки и как можно безразличнее спросил:

– А что с ним? Ну, то есть, я не видел его со вчерашнего утра, но мне как-то было не до того, сам понимаешь...

– Понимаешь, тут такое дело, – толстяк задрал полу своей куртки и начал рыться в кармане. – Я подумал, что он просто удрал. Но обычно если такое случается, то поднимается шум до небес, начинаются поиски-розыски, а тут...

Он снова хрипло закашлялся. Я присел с ним рядом на нары. Мне стало интересно.

– Будто ничего и не произошло. Вчера Чарли сделал вид, что так и надо, а вечером, когда я его спросил, сплюнул мне в ответ что-то вроде: «Не твоего ума дело!» А вы ведь с ним рядом спали, вот я и подумал, может ты знаешь чего.

Я мотнул головой. Потом подумал и проговорил задумчиво:

– Я проснулся и увидел, что его нет. Хотя вечером еще был. Я тогда не удивился вовсе, подумал, может он по нужде вышел. Ну или там прогуляться перед работой захотелось... Он вроде как ночью со мной поговорить пытался, но я спать очень хотел. Так что не знаю...

– Жаль, – Дикстрикс наконец извлек из кармана коробочку с пилюлями, открыл ее и кинул в рот сразу штуки три. – От кашля. Новое лекарство. Говорят, отлично помогает.

Я сразу же вспомнил про микстуру, и мне захотелось засмеяться. Я закашлялся. Толстяк протянул мне коробочку, но я отказался. Пилюли, конечно, лучше микстуры, но мне как-то все равно не хотелось без нужды глотать неизвестно из чего сочиненные катышки бурого цвета...

– Ладно, давай продолжать работу, – толстяк тяжело поднялся и потащил к выходу мешок с мусором. А я направился к своему спальному месту. Не затем, чтобы поспать, нет. Просто чтобы заправить как следует. Я стянул с тощего матрасика одеяло, откинул в сторону подушку, а из-под нее вдруг выпорхнул листочек бумаги.

«Иди Змеиным рукавом до переулка Белошвеек, сверни, буду ждать тебя там. Ш»

Надо же, а ведь я совершенно забыл о нашей случайной встрече! Из головы вылетело совершенно, даже когда Дикстрикс меня спросил. Я испугался вопроса, но сам не понял, почему испугался. Что же вчера было? Я встретил Шутера в подворотне. Мы поговорили и разошлись. И кто-то еще с ним был, вроде... Мысли стали похожи на туман или кисель, виски заныли. Что происходит? Почему я не могу вспомнить? Перед глазами поплыли красные круги.

– Эй, Рыжий, – голос звучал как будто издалека. – Что с тобой?

– Живот от голода подвело, – не думая, ответил я, пытаюсь собраться с мыслями.

– Сейчас, погоди чуток, – Дикстрикс вышел. Я понял, что до сих пор держу в руках и подушку, и бумажку. Я сунул записку в карман, подушки бросил и схватился руками за голову. Надо попытаться не думать про Шутера. Надо попытаться не думать про Шутера. Надо попытаться... Боль усилилась. Я обозвал себя идиотом. Вы пытались когда-нибудь заставить себя о чем-то не думать? Вот и у меня ничего не получилось. И в тот момент, когда мне хотелось заорать от боли и свалиться на пол, все вдруг закончилось. Круги перед глазами рассыпались цветными искрами, кисель в мыслях растаял, и я вспомнил, кто был вчера с Олухом в подворотне. И похолодел от страха.

– Вот, держи, жить станет легче – Я даже не заметил, как он подошел. Дикстрикс протянул мне кусок хлеба с сыром. Я взял. Улыбнулся вымученно.

– Тяжелый у меня вчера денек выдался, ты уж прости...

А он неплохой мужик, думал я, доедая последние крошки. Жить и вправду стало полегче. Я отогнал неприятные мысли куда-то на задворки памяти, и с удвоенной силой принялся за уборку. Чего я, в сущности, испугался? Мести этого колдуна? Вот еще. Я никому про него не рассказывал. Да если бы даже и рассказал, что он, живет в этой подворотне что ли? Наверняка его берлога совершенно в другой части города, и он знает, что я про нее

ничего не знаю. Нет, не в мести дело. Страшно мне совершенно по другому поводу. Какой-то недоносок влез мне в голову и что-то подправил в моих мыслях. Это было... чудовищно! Я справился, конечно. Но чувствовал я себя при этом преотвратно. И из памяти не шел клоч моих волос у чужака в голове. Наверняка ведь он может сделать и что похуже...

Мы закончили свои дела задолго до заката. Даже, пожалуй, пораньше, чем обычную работу заканчиваем. Чарли педантично проверил наведенную нами чистоту, потом пожал плечами и заявил, что мы можем идти по своим делам куда хотим. Не забыл, правда, язвительно добавить, что кто опаздывает к ужину, тот его и не получает.

Дикстрикс заявил, что дел у него никаких нет. Точнее есть одно, но чтобы его сделать, никуда идти не надо. Он забрался на нары, накрылся одеялом и захрапел.

– А ты? – вопросительно изогнул бровь Чарли.

– Я пока отдохну, – промямлил я. – Потом схожу в «Пыльные страницы».

Чарли пожал клетчатыми плечами и удалился восвояси. А я наконец достал из-под матраса книгу. Ту, вчерашнюю. А вместе с ней еще «Хроники Суматошных войн». Чтобы если кто меня увидит, подумали, что я, как обычно, тренируюсь читать.

Обложка была потертая кожаная. Названия не было видно. Хотя может его там просто никогда не было. Больше всего этот томик напоминал чьи-то мемуары или что-то в этом роде. Рукописные, а не печатные. Я открыл титульный лист и прочел:

Трактат о погоде, странностях бытия и изменчивости материи

ИДОЛОМОР

Смиренному брату Астахию посвящается, да будет он во веки веков не забыт.

Ни название, ни имя ни о чем мне не говорило. Поэтому я пожал плечами и перевернул страницу. Буквы были знакомые. Они складывались в слова, только совершенно не читались. Абракадабра была написана. Я взялся листать страницы в поисках рисунков. Они в книге имелись в немалом количестве. Только это были то чертежи непонятно чего, то какие-то кривулины-загогулины. Если не считать заглавной страницы, книга выглядела так, будто писал ее человек, который писать вовсе не умеет. Посмотрел, какие бывают книги – ну, там, буквы, слова, рисунки. И решил, что написать книгу – отличная идея. Купил чистый альбом, взял перо и уселся за работу – буквы рисовать друг за дружкой. Чтобы все выглядело по-настоящему.

Наконец мне надоело выискивать в бессмысленном тексте знакомые слова, и я закрыл книгу. В бараке стало явственно темнее, хотя до заката было еще далеко. По стенам ползли неясные тени. Очень странно – за окном светило солнце, оно как раз перед закатом заливает всю комнату своими лучами, но в этот раз свет будто застревал на оконном стекле. Будто что-то не пускало его дальше. Неужели?... Как там меня мама учила? Я провел левой рукой перед глазами, тряхнул ей в сторону ближайшего угла и зашептал:

– Камень, огонь, дерево, явь. Все остальное – прах.

Наваждение сгинуло. Свет радостно заполнил комнату, будто недоумевая, что вообще могло его остановить. Я перевел дух. Надо же... А я думал, сказки... Похоже, мистер Од всучил мне один из тех чернокнижных трактатов, которые сами по себе колдовские. Говорят, что с ними колдовать могут даже не колдуны. Просто надо читать вслух. Видимо, пока я разбирался с этими закорючками, какие-то слова вслух все-таки прошептал, вот всякая темень из углов и полезла. Такие книги надо сжигать, не раскрывая. Только вот я не знал, что они существуют. Пока эту не открыл.

Дикстрикс заворочался и забормотал что-то во сне. Потом закашлялся. Я подумал, что пора идти. Во мне боролись две страсти – выбросить немедленно страшный томик в первую попавшуюся мусорку и оставить себе, запрятать сокровище поглубже. Мне отчаянно нужно было с кем-то посоветоваться. Я накинул куртку, натянул шапку на голову и вышел на улицу.

Шел дождь. Мелкий, морозящий, по всему видно зарядил надолго. А значит в бараче скоро станет промозгло и сыро. Останется только выпрашивать у Чарли дров для буржуйки, которые в это время года не полагаются... Я старался думать о чем угодно, только не о книге, лежавшей у меня за пазухой. Вдруг меня пыльным мешком по голове стукнула мысль: «А могу ли я всецело доверять Креду?!» Ведь это... хм... произведение – железобетонный приговор. Если меня поймут, разгуливающим с таким сокровищем за пазухой, то отправят на костер, как пить дать. Вместе с книгой и всеми пожитками. Можно, конечно, прикинуться неграмотным, из деревни приехал, букв не знаю, книгу нашел, хотел показать специалисту, а тут вы как раз... Я вздохнул. Не пройдет такая штука. Все мои городские знакомые в курсе, что читать я умею.

Я окончательно остановился. Так идти к Креду или нет? Рассказывать ли вообще кому-нибудь про мое случайное приобретение? Нет, не стоит сейчас ни с кем разговаривать. Я присел на ступеньку и огляделся. Почему-то мне вдруг стало не по себе. Казалось, что одежда на мне прозрачная, и каждый прохожий видит, что я прячу под поллой куртки.

– Развелось бездельников, – проворчала прошедшая мимо пожилая женщина с плетеной корзиной. Наверняка чья-то домоправительница, ходившая на базар за продуктами. Мелочный торговец набивал трубку и поглядывал в мою сторону... Пара студентов, что-то бурно обсуждавших, оглянулись на меня. Компания оборванных недорослей шептались возле дверей доходного дома и показывали на меня пальцами. Захотелось немедленно встать и убежать куда-нибудь, где меня никто не увидит. Хоть обратно в Озерный двор. Лишь бы подальше отсюда.

– Привет, – незнакомец присел рядом со мной. – Давно не виделись.

– Привет, – машинально ответил я. – Разве мы знакомы?

– Шутник, – хохотнул мой собеседник и полез в карман.

Я оглядел его с ног до головы. Невысокого роста, чернявый, чем-то смахивает на Олуха Шутера, но не настолько, чтобы оказаться его родственником. Кроме того, я не знаю никого из родни Олуха. Одет неброско – клетчатая куртка, кожаные штаны, серая кепка.

– Не тушуйся, это я и есть, – незнакомец доверительно улыбнулся. – Мы должны были встретиться позавчера на Кабаньей заимке, но я опоздал. Запутался в ваших руках и площадях. Бестолковый город, правда же?

– Эээ... – ничего умнее мне в голову не пришло.

– Слушай, давай найдем местечко поуютнее и поговорим, а? – хм... Меня не оставляло впечатление, что человек передо мной заискивал. Будто провинился в чем-то. Похоже, он принял меня за кого-то другого. С одной стороны, недоразумение неплохо было бы разрешить сразу, пока он не успел наговорить мне чего-нибудь на второй смертный приговор. С другой же... Я кивнул.

– Да, давай поищем место, здесь действительно неудобно.

Мы одновременно поднялись со ступенек. Пусть все идет, как идет, подумал я и пошел вслед за незнакомцем.

– Слушай, Свир, – он оглянулся на меня. – Я знаю неподалеку неплохую таверну. Заглянем туда?

Я опять машинально кивнул, стараясь не показать вида. Свир! Неужели он меня принял за спятившую идиотку, жившую в развалинах храма за Микстурой? Хотя мало ли в Сердце Мира людей по имени Свир? А таверна – это неплохо.

– Слушай, приятель, у меня тут случились небольшие неприятности, – как можно более безразлично начал я. – Так что в таверне тебе придется за меня заплатить, ты как?

– Да без проблем, – неожиданно обрадовался незнакомец. – Старина Локки всегда рад помочь попавшему в переплет товарищу!

Значит, Локки. Хорошо. Таверна, куда вел меня новый знакомый, не выглядела роскошной. Да что там, она и презентабельной-то не выглядела. Покосившаяся вывеска с изображением то ли кошки, то ли собаки и намалеванное прямо на стене название «Псы войны».

– Ты не смотри на вывеску, – как бы извиняясь за неизвестного оформителя проговорил Локки, взявшись за кольцо на двери. – Зато готовят там – пальчики оближешь.

Мы вошли в небольшой полутемный зал со сводчатым потолком. Длинный стол с одной стороны и четыре маленьких с другой. Стойка. Темный провал в стене, ведущий на кухню. Лестница наверх. Прямо посреди зала – люк в подвал, прикрытый деревянным щитом. А может и не люк в подвал, может быть колодец в таверне свой собственный. У нас в «Счастливом завтра» во внутреннем дворе колодец, так окрестные жители частенько бегают к нам за водой, а Чарли явно имеет на этом какую-то прибыль. Посетителей в зале не было. Хозяин, видимо услышав звякнувший над дверью колокольчик, появился наверху лестницы.

– Горячего нет, – без приветствия заявил хозяин. – Будет позже. Могу предложить пиво, вино, сыр, закуски и вчерашнее рагу. Оно хорошее, но холодное. Если хотите, можете разогреть сами.

– Давай все перечисленное и... – Локки оглянулся на меня. – Вино или пиво?

Пиво мы варили в Озерном дворе, и по сравнению с ним все городское казалось мне жиденькой кислой дрянью. А на вино у меня никогда денег не хватало.

– Вино, – кивнул я.

– Вино, – согласился со мной Локки, и мы направились к одному из маленьких столиков. Тому, что стоял в самом углу.

– Ты все слышал? – зычным голосом проорал кому-то невидимому таверщик.

– Да, – приглушенно отвел некто. – Все будет в лучшем виде!

В зале царил полумрак. До темноты было еще далеко, но все окна этой таверны были так или иначе прикрыты. Одно было наполовину заложено кирпичом, второе забито досками, а на третьем висела неопрятная штора, сшитая из лоскутков.

– Рагу тут исключительное, – поделился Локки. – Вчерашнее даже вкуснее, чем сегодняшнее. Да что я рассказываю, сам скоро оценишь.

Ждать пришлось не очень долго. Тощий подросток появился из-за деревянной ширмы под лестницей, держа в руках плетеный поднос. На нем стояло глиняное блюдо с неровными ломтями сыра и домашней колбасы, глиняная же бутылка с узким горлышком, коврига серого хлеба и здоровенная миска с неживописной кучей, в которой угадывались куски мяса и овощей. Видимо последнее доставали со дна котла, потому что некоторые кусочки были явно подгоревшими. Паренек ловко составил все это на стол, потом извлек из кармана фартука две кружки и ухмыльнулся во весь свой щербатый рот:

– Если кружки на поднос ставлю, то постоянно роняю. Вот и приспособился в фартуке таскать. Платить лучше бы сразу, а то кто вас знает...

Локки сговорчиво вытащил из кармана штанов кошелек, отсчитал несколько монет, и удовлетворенный паренек удалился, бросив нам напоследок, что мы можем сидеть тут сколько захотим, а ежели добавки или еще чего потребуется, то нам нужно только крикнуть.

Надо сказать, что у меня при виде еды слюнки потекли. Я был готов сожрать все принесенное вместе с мисками и кружками. Но показывать это мне казалось ниже моего достоинства. Локки ловко выдернул из бутылки пробку и разлил вино по кружкам. В полумраке оно казалось черным. Я отломил кусок ковриги, загреб им немного рагу и поднес ко рту.

– Я должен был тебе кое-что передать, – сказал Локки, поднимая свою кружку. – Только, боюсь, это уже не имеет смысла. Идиот Будас отправил меня сюда, ничего толком не уладив. Вот поэтому и получилось, что на встречу я не явился. Кстати, Свир, а тебе-то этот дурак о встрече сообщил?

Рот у меня был занят, так что я просто отрицательно покачал головой. Локки хохотнул:

– То-то я смотрю, что ты не пылаешь праведным гневом! Ну хорошо, хоть теперь мы встретились. Прости меня, конечно, но имя ты себе выбрал дурацкое. Дундук, ха!

Я чуть не подавился. Не может быть в нашем Сердце Мира, хоть и живет в нем прорва народу, быть двух человек с таким именем. Я подумал, что Локки бы еще больше обозлился, узнав, что этот его Будас забыл ему сказать, что Свир – женщина. Я наконец прожевал кусок жестковатого, но замечательно вкусного мяса и многозначительно произнес:

– Можно подумать, я его выбирал...

– Ну да, – покладисто согласился Локки. – Говорят, у вас с этим строго.

Тут мы принялись за еду всерьез, и разговор временно прервался. Готовили в самом деле отменно. Мне сразу же вспомнился дом. Примерно такое блюдо мама варила, когда к нам приходил однорукий Горган и приносил кабанью ногу. Мы жили без отца, так что мясо у нас было от случая к случаю – иногда мама выменивала его за пряные травы, которые она выращивала лучше всех прочих, у кого-нибудь из соседей, а иногда кто-нибудь заходил в гости и приносил. Порой такие события случались одно за другим, а бывало, что мясо у нас месяцами не было. Домашняя птица у нас не приживалась, а ящериц мама боялась, хотя, говорят, они на вкус не хуже курицы...

– Заказать еще? – спросил Локки, когда мы доели рагу. – А то ты как будто не наелся...

Все-таки не получилось у меня скрыть зверский голод... Как ни обучала меня мама хорошим манерам, я все равно остался неотесанным деревенским болваном. Как еще этот Локки до сих пор не сообразил, что принял меня не за того.

– Нет, – собравшись с духом отозвался я. – А вот вина еще можно. Под вино и разговор веселее пойдет.

– Эй, парень! – крикнул Локки. – Еще вина нам. И сыра, пожалуй. И это... яблоки водятся у вас в заведении?

Из кухни раздалось что-то неразборчивое. Дверь натужно скрипнула, звякнул колокольчик, в таверну вошли двое работяг. И сразу же следом за ними еще трое. На вершине лестницы снова появился хозяин, в зале сразу же стало шумно. Локки склонился поближе.

– Вот теперь говорить безопаснее. А то мне все время кажется. Что этот хозяин нас подслушивает. Сейчас ему будет не до того, когда в таверну набьется народ.

Не сказал бы, что меня сильно обрадовала новость о приближающемся серьезном разговоре, потому как понятия не имел, о чем пойдет речь. Придется вилить, что-то выдумывать и все такое... Может, лучше сразу признаться, что я не тот, кто нужен Локки? Пока он не успел мне сказать что-нибудь такое, что мне не удастся выбросить из головы. Только я открыл рот, как в зал ввалилась компания не вполне трезвых товарищей, числом шестеро. Все они были одеты в одинаковые темно-серые рубахи и коричневые кожаные жилеты, что выдавало в них тружеников фабричного дела. Вообще-то я думал, что фабрики всегда огромные и что работает на них очень много народу. Оказалось, что так бывает далеко не всегда. Некоторые особо ушлые ремесленники начали называть фабриками свои малюсенькие цеха.

И все потому что фабричные товары считались лучше и долговечнее. Впрочем, униформа бывает только на действительно больших фабриках. Наверное, вновь вошедшие посетители работают на фабрике стеклянной посуды, которая тут как раз по соседству.

Локки снова склонился ко мне.

– Значит так... – прошептал он. – Я, конечно, опоздал с известием, но вдруг его еще можно как-нибудь использовать. Это про одного небезызвестного канцеляриста, которого поймали на прикарманивании денег. Его допросили и выяснили, что семена георгинов пропали.

Он замолчал и удивленно посмотрел на меня.

– Ты что не понимаешь? Семена георгинов, – он повторил это в полный голос, отчетливо произнося каждую букву.

Надо признаваться, решил про себя я. Похоже, это шпион. И только что он мне передал какую-то зашифрованную информацию или сказал пароль. А я его не понял. Потому что я не Свир Дундук.

– Слушай, Локки, – начал я. – Я должен тебе сказать, что ты ошибся. Я не Свир Дундук. Меня зовут совершенно иначе. И я не понимаю, о чем ты говоришь.

Локки нахмурил лоб, снял кепку и начал мять ее в руках.

– Я понимаю, что провалил встречу в указанное время, – замялся он. – Но это еще не значит... Да ничего это вообще не значит! Я отработаю, честно! Теперь я полностью в твоём распоряжении, ты же должен понимать, ты же знаешь, что Будас – идиот. Позволь мне...

– Ты что, не понял? – я даже привстал, но потом сразу же сел на место, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания. – Я другой человек. Я хотел сразу тебе сказать, но как-то не получилось. Я приехал в Сердце Мира из деревни. Чуть больше двух недель назад. Живу в рабочем доме «Счастливое завтра».

– Нет-нет, этого не может быть! – Локки помотал головой, будто стряхивая что-то. – Не может быть. Не могло быть такого совпадения.

– Еще как могло, – усмехнулся я. – Я вообще не понимаю, почему ты ко мне прицепился. Я не похож на эту Свир Дундук ни капельки.

– ЭТУ? Что ты хочешь сказать? – Локки прищурился.

– Я относил ей письмо пару дней назад, – не знаю, почему я вдруг разоткровенничался. Наверное мне просто стало жаль симпатичного парня Локки, который если и старше меня, то ненамного. Как его вообще в шпионы взяли? По-моему так шпион должен быть таким седовласым, умудренным годами, величавым джентльменом, а вовсе не молодым раздолбаем неясного роду-племени. Хотя много я понимаю в шпионах, да...

– Подожди, – Локки задумался. – Подожди минутку. Ты хочешь сказать, что я мог совершенно случайно вот так запросто встретить в самом сердце... гм... Сердца Мира мага, да еще и с какой-то магической книгой за пазухой? И кто ты тогда такой?

Мага? О чем он говорит вообще?

– Ну, с книгой долгая история, но никакого отношения к Свир Дундук она не имеет, – я взял с тарелки кусок сыра. – Но маг... О чем ты?

– Лучше скажи как есть, парень, а? – он почти лег грудью на стол и заглянул мне в глаза.

– Я и говорю, как есть, – я пожал плечами. – Хочешь, пойдем в «Счастливое завтра», я покажу тебе свое спальное место?

– Да, – Локки вскочил, неожиданно вспыхнув энтузиазмом. – Пойдем немедленно. Кроме того, здесь становится шумно и многолюдно. Еще ввяжемся в какую-нибудь драку случайно...

Мы поднялись из-за стола и направились к выходу, оставив за спиной шумный зал, не приветливого хозяина и вертлявого недоросля-разносчика.

Когда дверь за нами хлопнулась, я мимолетно пожалел, что уступил гордости и отказался от второй порции местного рагу. А еще меня немного волновал вопрос об объяснениях, которые придется дать коллегам по работному дому о том, что это за гость у меня такой. В общем-то, приводить гостей у нас не запрещалось, если они не оставались ночевать и уходили до полуночи. Но гости, меж тем, у нас бывали крайне редко. Помню только один раз, когда к Дисриксу пришел какой-то замухрыжечного вида дядька. Он поговорили на повышенных оборотах, и посетитель убрался восвояси. Хотя, наверное, это не считается. Какой же это гость? Гостей встречают и привечают, а этого разве что не пинками выставили. Одолеваемый этими мыслями и воспоминаниями, я потянул на себя дверь барака. Судя по относительной тишине, народу там было немного. Ах да, часть же уехала на несколько дней, я и забыл... А еще я очень надеялся, что Чарли ушел по своим вечерним делам, а они у него частенько бывали раньше. И что Рохли Бума уже нет. Но за последнего я не волновался, этот редко задерживался на работе.

– Привет, Рыжий! – раздалось сверху. Этого парня все называли Одуванчик. За то, что его лысый череп выглядел точь-в-точь, как сей непрезентабельный цветочек после того, как на него подуешь. Настоящим именем я как-то не интересовался. Он был тихим и почти всегда незаметным. – Вы же тут уборку делали сегодня, ты не находил случайно бронзовую бляху, завернутую в лист бумаги?

Что-то такое я действительно нашел. Безделушка упала с верхних нар через щель и завалилась между стеной и нижними нарами.

– Да, была такая. Лежит в корзине на кухонном столе, – ответил я. – Там много всяких неопознанных мелочей, поищи.

– О, спасибо, Рыжий, – и Одуванчик стал осторожно спускаться вниз. А мы отправились по проходу дальше. Собственно, можно было уже и не вести Локки к своему месту, и

так было понятно, что я не соврал, что живу в этом бараке. Но Локки настойчиво подтолкнул меня в спину, идем, мол, дальше.

– Мы пришли, – сообщил я, показав на свой матрас. – Можешь располагаться. Место рядом со мной все равно пока что пустует.

– Здесь... безопасно? – шепотом спросил Локки.

Я пожал плечами и забрался на нары. Локки полез следом за мной и устроился на месте Шутера.

– Значит, это правда... – задумчиво протянул он. – Все-таки совпадение.

Я кивнул.

– Расскажи мне про Свир Дундук, – Локки поерзал, устраиваясь поудобнее.

– Она живет за Микстурой, на севере, – сказал я. – От Первой Торговой Жучьим рукавом до мостика. Там полуразваленный здоровенный храм, не ошибешься. Я относил ей приглашение на прием от Дублона. Это наш местный аристократ-бездельник. Вот, собственно, и все, что я знаю. Вручил письмо и ушел.

– Я знаю Дублона, – тихо проговорил Локки. – Но кто же ты, все-таки?

Я снова пожал плечами.

– Как видишь, – интересно, какого ответа на свой вопрос он ждал? Что я замаскированный резидент колдовской разведки? Или полубог, развлекающийся работой на благо общества? – Приехал из Озерного Двора чуть больше двух недель назад. Попал... вот сюда. Живу, работаю, учусь. Надеюсь выкупиться раньше, чем истечет контракт.

Локки испытующе смотрел на меня. В полумраке было видно, как поблескивают его глаза. Он явно хотел спросить что-то еще, но, кажется, сам не знал что.

– Книга! – вспомнил он. – Откуда у тебя книга? И какая она?

Надо было отпереться тогда! Сказал бы, что знать не знаю никаких книг и вообще неграмотный. Придется теперь рассказывать про мистера Ода и всю эту странную ситуацию, в которую я угодил. Я полез за пазуху.

– Вот книга, – сказал я, протягивая томик Локки. – Только я в ней ничего не понял, она вообще у меня случайно.

Локки осторожно взял ее за корешок, открыл обложку, прочел название и замер.

– Ты хоть представляешь, что таскаешь под полой? – спросил он. Я поймал себя на том, что мне снова хочется пожать плечами, и удержался от этого жеста.

– Нет, – ответил я честно. – Точнее, я понимаю, что это какой-то чернокнижный трактат из древних и очень опасных. Но я не знаю ни автора, ни способа применения этого... гм... произведения.

Локки вернул книгу мне обратно и опустил глаза.

– Этих трактатов всего восемь, – сказал он. Шесть в библиотеке короля Дремора. Один должен был быть у Свир Дундук. Где еще один – не знаю, видимо вот он, у тебя. Кроме того, мой талисман засек тебя как мага. И книгу эту засек тоже. Вот я и подумал, что ты и есть Свир Дундук, которого, то есть, которую, конечно, я никогда в лицо не видел. Жаль, что все так получилось...

Я кивнул. Действительно, жаль. Теперь мне ни сна, ни покоя не видать.

– Хочешь добрый совет? – Локки оторвался от созерцания своих ногтей и снова поднял глаза. – Беги из страны, пока твой дар не начал себя проявлять. В Сердце Мира магам жизни нет. Кроме того, если мага не учить, то он может быть опасен, потому что не умеет толком пользоваться своим даром. Тебе нужно...

– У меня есть подозрение, господа хорошие, что я знаю, что вам обоим нужно, – вдруг вмешался в наш разговор еще один собеседник. Чарли! Я даже не заметил, как он подошел, надо же быть таким лопухом! – Вас обоих надо сдать жандармам. Не знаю, куда положено отправляться таким как вы, но они разберутся сами.

Мне тут же захотелось стать песком и просочиться сквозь нары. Чтобы меня было не слышно, не видно. Это был конец всему. Не болтать мне теперь о жизни с мудрым и всепонимающим Кредом, не устроиться на работу в «Читальном доме Расмуса» и не заглядываться тайком на стройные ножки маленькой Ады.

Глава четвертая,

в которой Райла одолевает депрессия и голод. Человек без документов в Сердце Мира не нужен ни одному работодателю, а в трудовые бригады ему больше не хочется. Локки предлагает ему сотрудничать с разведкой, но вяло, потому как персона Райл не особо ценная и значимая.

Мосты никогда не были главной достопримечательностью Сердца Мира. Сколько их всего в городе, не знаю, но те, что я видел – это какие-то убогонькие и не ласкающие взор сооружения. Как будто просто доску через ручей перекинули, правда масштаб чуть-чуть другой. Ни одной большой реки через Сердце Мира не протекает, а строить грандиозное сооружение над ручейками-переростками как-то не по-столичному что ли... В общем, мост под которым я сейчас сидел, как раз и являл типичный образчик местного мостостроительства – несколько почерневших от времени бревен и длинные обветшавшие до почти полной непригодности доски. Чинили этот мост, по всему видно, не единожды. Тот тут, то там прохудившийся настил был заколочен всяким мусором и обломками, а вместо перил в паре мест натянуты разлохмаченные веревки.

Чарли показал себя образцом великодушия и добродетели. Он не стал отдавать нас жандармам, а просто отпустил. Так и сказал:

– У вас есть три минуты, чтобы убраться отсюда, – Чарли говорил шепотом, но я слышал каждое его слово, будто он орал во всю глотку. – Я знаю, почему я отпускаю тебя, Райл. Ты хороший парень, ты мне нравишься, и я бы не хотел собственноручно отправить тебя на костер. Когда ты попадешься, виноват в этом буду не я. А вот этот типчик... – глаза Чарли просверлили Локки. – Считай, ему просто повезло, что он с тобой.

– А документы... – заикнулся было я.

– Одна минута прошла, – ответил Чарли и повернулся к нам спиной. Мы торопливо сползли с нар и, стараясь не бежать, направились к выходу.

Теперь я сижу вот тут, под мостом через безымянную речушку, а над Сердцем Мира разливаются серые предутренние сумерки. Всю ночь, как назло, шел дождь. Пока я не нашел это сомнительное убежище, успел насквозь промокнуть, и сейчас мои зубы отбивали неровный ритм так, что скоро они, наверное, раскрошатся на кусочки. Конечно же, Локки не повел меня к себе. Он, сказал, что просто снял кровать в общем зале гостиницы, больше напоминающей ночлежку. Название смешное и величественное «Коронованная мышь». Хотя я не удивлюсь, если гостиницы такой не существует, а Локки просто растворился в небытие. А может, зря я про него плохо думаю. Он сказал, что утром придет к этому мосту, и мы вместе что-нибудь придумаем. Ничего лучше мы до вечернего колокола найти не смогли, а ночью праздношатающиеся по городу прохожие привлекают повышенное внимание жандармов. Чего мне лично хотелось в последнюю очередь. Уж лучше сидеть под дырявым мостом и стучать зубами...

Стараясь отвлечься от печальных мыслей о своей дальнейшей судьбе, я пробовал вспоминать свое детство, петь про себя песни и даже стихи пробовал сочинять. Посвященные малышке Аде из «Читального дома». Но ничего не получалось, увы. Итак, что же мне теперь

делать? Купленный вексель мне в банке, скорее всего, не отдадут без документов. Денег у меня – кот наплакал, даже на выездную пошлину не хватит, кроме того, на выходе из города всегда проверяют документы. Которых у меня теперь нет. В общем-то, можно попытаться покинуть Сердце Мира... Пристроиться к какому-нибудь обозу или каравану, если поймают, соврать, что забыл свои бумаги и скрыться. А если получится, то что? Возвращаться в Озерный двор, поджав хвост? И всю оставшуюся жизнь прятаться где-нибудь в окрестных лесах? Не сказал бы, что моя родина совсем уж медвежий угол. Колдунов там жгут с не меньшим рвением, чем в столице. Эх. Был бы я колдуном, может сейчас было бы и проще. Хоть бы костер смог развести. А так...

Вообще-то, Чарли мог и правда никому не донести на меня. Но ведь наш разговор мог подслушать и еще кто-нибудь. А за донос на колдуна полагается какая-никакая награда. Если уж неведомый талисман Локки указал на меня, как на колдуна, то уж у жандармов-то и подавно есть способ определить то же самое. И книга, опять же. Идоломор, гм. Несколько раз я порывался ее выкинуть, но не получилось. Очень уж трепетное у меня отношение к книгам. Так и таскаю теперь под полкой собственный смертный приговор, и ничего поделать с собой не могу.

А еще ужасно хотелось есть. Утреннего колокола еще не было, так что все таверны закрыты. И даже торговцев пирожками еще нет, им запрещено торговать во внеурочное время. Впрочем, моих нескольких грошиков на поход в таверну не хватит. Разве что найдется добрый хозяин, который накормит меня за какую-нибудь грязную работу. Но на пару пирожков, пожалуй, у меня хватит... Вот стукнет утренний колокол, обязательно куплю себе пирожок. Я сглотнул поневоле набежавшую слюну. Вот ведь что странно – вроде не так уж долго я сижу голодом. Всего лишь со вчерашнего вечера. А чувствую себя так, будто меня неделю не кормили. Голод возник, словно призрак грядущих несчастий и мучает теперь меня немилосердно. И холод еще. Надо вылезти из-под моста и поискать таверну. И попробовать договориться с хозяином, чтобы он меня накормил хоть чем-нибудь и дал обсушиться.

Я понял, что не могу больше тут сидеть, и выбрался из-под моста. Ноги и руки стали совсем деревянные, и мне потребовалось немало времени, чтобы размяться, чтобы ходить не как кукла из балагана. Я попрыгал, помахал руками и как мог оглядел себя. Вроде все нормально. Выгляжу я как обычный такой работяга из цеха, рабочего дома или даже с фабрики. Только очень промокший работяга. Но уж никак не нищий. Интересно, кстати, а где живут бездомные в Сердце Мира? Понятно, что на них устраивают облавы и выдворяют из города время от времени, но где-то же они до этого момента находятся. Если жить просто на улице, то проживешь очень недолго. Еще пара таких ночей, и я простужусь и помру. Потому что помощь врачей мне, конечно же, не светит.

Таверна называлась «Королевская охота» и выглядела как раз так, как мне было нужно. Фасад из разошедшихся досок, проржавевшая чугунная вывеска, окна занавешены чем-то темными. Видимо, старыми одеялами. Еще закрыта, но из трубы идет дым, а стало быть готовят еду. Я постучался.

– Чего тебе? – сварливо прошамкал голос из-за двери.

– Простите меня великодушно, но может вам помощь нужна? – заискивающе проговорил я. – Дров порубить или котлы почистить... За миску похлебки...

– Много вас тут на похлебку, – за дверью слышались шаркающие шаги. – Убирайся, откедова пришел!

Не повезло. Ну что ж, пойду искать дальше. Кстати, когда рассвело, я понял, в какой район Сердца мира меня занесло. И даже слегка обрадовался, что именно сюда. Это была Куриная Сопка, местное промышленное гетто. Район был не из лучших, но прежде всего потому, что сюда согнали все шумные или вонючие цеха. Здесь валяли войлок, ковали, делали краски, обрабатывали шкуры. Жили здесь в основном наемные работники, потому как сами хозяева этих мастерских предпочитали селиться в более чистых и тихих местах. Я немного повеселел и приободрился. Да и дверь следующей таверны (она называлась «Доблесть предков») оказалась открытой. Я вошел в маленький зальчик и остановился, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку. Большая часть этой таверны располагалась на улице под навесом. А здесь, видимо, был зал для избранных, потому как он выглядел вполне прилично, даже шторы на окнах имелись. Впрочем, назвать это место респектабельным у меня язык бы не повернулся. Вот интересно, думал я, ожидая, когда меня наконец, заметят, почему самые чахлые и нищие заведения выбирают себе пафосные и величественные названия? Чем зачуханней обжорка, тем вычурнее название. Пока я жил в Озерном дворе, мне бы и в голову не пришло подумать, что гостиница «Меч и корона» – это ужасный клоповник с дырявыми стенами и одной общей комнатой, а таверна «Сиятельный лик» – самый гнусный притон во всем Сердце Мира. Ну разве мне бы могло в голову прийти, что «У толстого индюка» – самая дорогая ресторация, а «Пища богов» – низкопробный кабац, где поят только кислым пивом, а еду положено приносить с собой?

– Эй ты, у нас закрыто! – голос женский, пронзительный. – Утренний колокол еще не звонил, чего приперся с утра пораньше?

– Доброго вам утра, хозяйка, – я снял шапку и начал мять ее в руках. – Может вам помощь нужна какая-нибудь? Вы понимаете, у меня случились непредвиденные неприятности, но я справлюсь, вы не сомневайтесь. Я не прошу вас взять меня на работу, просто позвольте мне помочь вам, а вы меня в благодарность накормите и позвольте мне обсохнуть. И я сразу же уйду.

Что-то я неожиданно разговорился... Наверное, чтобы бурление в животе заглушить. Тут из-за ширмы показалась хозяйка. Крепкая женщина средних лет. Полосатое платье, волосы закрыты платком, на босых ногах потертые сандалии. Она вытирала руки об фартук и разглядывала меня.

– А звать-то тебя как, помощничек?

– Ра... – я осекся. – Друзья зовут Рыжим.

– Друзья, – хмыкнула она. – А врагов, стало быть, нет... Ну что ж, заходи, раз первым пришел.

Я перевел дух, наслаждаясь теплом, медленно проникающим под мою промокшую одежду. А хозяйка тем временем выдавала указания про котлы, дрова и уборку птичника.

– Поесть дам после того, как котлы почистишь, – вещала она, и ее голос больше не казался мне пронзительным. – Куртку свою повесь на кухне, пусть просохнет, а сам согреешься, пока топором махать будешь.

Я поплевал на все еще скрюченные от холода пальцы и принялся за дело.

– ...Я бы может и взяла тебя на работу, парень, лицо у тебя хорошее, – не глядя на меня сказала хозяйка, помешивая в котле похлебку. – Только нельзя мне. Не положены мне наемные работники. А пошлина за каждого работника, если он не родственник, ого-го какая. Но ты заходи, Рыжий, когда работа будет, завсегда привечу. Очень ловко ты со всем справился. Из деревни, никак, приехал?

– Угу, – кивнул я. Ни на что большее меня не хватило, потому как рот был занят едой. Никогда раньше мне не нравилась гороховая каша со шкварками, но тут она казалась просто пищей богов. Или кулинарное искусство хозяйки было выше всяких похвал, или просто я был зверски голоден, да и топором намахался к тому же.

– Эх, зачем вы в город-то стремитесь? – хозяйка покачала головой. – Что ты гороховую кашу дома есть не мог? И ведь не выгонишь теперь, гонор не позволит домой вернуться, так ведь? Откуда ты?

– Озерный двор, – как можно более разборчиво проговорил я и откусил хлеба. Хлеб был вчерашний.

– Хлеб я сама не пеку, лицензии нет, – оглянувшись на меня, объяснила хозяйка. – Приходится у булочника покупать. Иногда бывает лепешек нажарю, но это редко, когда муки удастся купить. А вообще мне эта таверна от мужа досталась. Погиб он на границе, колдовством его сожгли, даже косточек не осталось.

Я поперхнулся и закашлялся. Хозяйка отложила ложку, подошла ко мне и стукнула по спине.

– Ох, прости, – она присела и заглянула мне в лицо. – Не застольная это тема. У тебя что, тоже кого-то колдуны уморили?

– Да, – сдавленно ответил я, решив не вдаваться в подробности. – Отец. Я его даже не помню.

– Правильно у нас их жгут, – хозяйка вернулась к плите, а я облизал ложку и поднялся.

– Пойду продолжать работу, – сказал я, одергивая уже просохшую рубаху. – Очень вкусно, спасибо.

Наверное, я мог бы остаться в «Доблести предков» и подольше. Развлек бы хозяйку разговором, улыбнулся бы пообаятельнее... Но мне не хотелось пропустить Локки, который обещал прийти к мосту после утреннего колокола, который как раз прозвонил не так давно. Так что я как можно более душевно распрощался и вышел на промозглую улицу.

– Эй ты! – невежливый окрик настиг меня, едва я успел сделать пару шагов. – Наелся, рыжая морда, да? Тебя в детстве мама не учила, что чужое брать нехорошо?

Ко мне приближались трое. Один парень моего возраста в залатанной в нескольких местах коричневой куртке и круглой шляпе и двое помладше. В черных куртках и кепках.

– Что вам угодно? – как жаль, что плохие предчувствия возникают в тот момент, когда исправить уже ничего нельзя.

– Ой-ой-ой! Угодно! – залился издевательским смехом один из недорослей. – Прямо аристократ-шмаристократ!

Тем временем старший извлек руки из карманов.

– Ты откуда здесь взялся, урод? – он подошел почти вплотную. – Кому платил, чтобы тебя кормили тут бесплатно? На тетку Агату я работаю, понял?

Тут я понял, что забыл спросить имя замечательной хозяйки «Доблести предков», а сама она не представилась. Значит, Агата. Хорошо, хоть какая-то польза от этого разговора, грозящего закончиться дракой.

– Извините, не знал, – примирительно ответил я. – Я здесь случайно...

– А мне какое дело?! – заорал старший и без замаха стукнул меня кулаком в лицо. Удар был не сильным, но я все равно на секунду опешил и не успел ни отскочить, ни прикрыться. Один из недорослей достал из-за спины дубинку, а второй начал наматывать на кулак цепь. Что же делать теперь? Бежать? Мне не справиться с троими... От следующего удара я отклонился и быстро отскочил к стене. Не хватало, чтобы меня дубиной сзади огрели... И тут же пропустил удар. Больно-то как... Не сказать, чтобы я вообще никогда не дрался, в Озерном дворе всякое случалось, но уж искусным в этом деле точно не был. Я замахнулся и ударил, куда пришлось. Через несколько мгновений я пожалел, что выбрал такую идиотскую позицию. Теперь и не убежишь, за спиной стена. Тут меня достал парень с обмотанным цепью кулаком. У меня из глаз аж искры посыпались от боли. Я отмахнулся, потом сжал кулак и с непривычной злостью двинул в лицо хозяину цепи.

И вот тут *оно* случилось... С моего кулака сорвались мелкие искорки, как-то не людски затрещало, запахло грозой. Недоросль, по которому пришелся удар, отлетел к середине улицы и упал, подергиваясь. Остальных двоих отнесло от меня, как от клубка ядовитых змей. Глаза старшего расширились от ужаса, младший побелел, как полотно.

– Колдуууун! – завывали они и рванули бежать, бросив своего товарища валяться посреди улицы. У меня не было никакого желания проверять состояние здоровья поверженного противника, так что я тоже побежал. Да что там, никогда в жизни я не бегал с такой скоростью! Не знаю уж, кто больше испугался – эти уличные задиры или я сам.

Остановился только когда понял, что уже не бегу, а проталкиваюсь через толпу на Первой Торговой. Вроде бы никто за мной не гнался, даже и не думал. Я присел возле стены, чтобы не мешать повозкам, тачкам и торговцам с баулами, отдышался, унял бешено колотившееся сердце и принялся рассуждать. Скорее всего, этим двоим никто не поверит. Влезли

в драку, получили по сусалам, а теперь пытаются сказать, что с колдуном дрались. Только какие колдуны могут быть в Сердце Мира? Да еще и участвующие в уличной драке. Так что с этой стороны мне, скорее всего, ничего не грозит. Другое дело, что я пропустил встречу с Локки... Придется мне теперь искать его ночлежку самостоятельно, все равно я ничем не занят...

Гостиница «Коронованная мышь» оказалась спрятанной в переулке между Красным и Тележным рукавами, то есть практически в самом центре города. Здание строилось явно не для того, чтобы быть гостиницей, скорее уж это когда-то был цех, причем не из бедных – стены кирпичные, фасад украшен лепниной, правда изрядно побитой временем, но мышь в короне все еще можно было опознать. Внутри был большой зал, у правой стены лежали стопки матрасов, у левой стояло два длинных стола, за которыми в данный момент сидели трое, и ни один из них не был Локки. В потолке был люк, к нему вела добротная приставная лестница. У нее даже перильца были. Наверное, наверху отдельные номера.

Один из сидевших за столом (пожилой мужчина в потертых синих штанах и серой рубашке) поднялся и направился ко мне.

– Желаете у нас поселиться? – вежливо спросил он. Я даже удивился. В последнее время мне попадались исключительно неприветливые хозяева присутственных мест.

– Добрый день, – я слегка поклонился и снял шапку. – Я ищу одного человека, он сказал, что живет у вас. Локки его зовут.

– А, – разочарованно протянул мужчина. – Да, живет такой. Только он ушел с утра. Когда вернется – не знаю.

– Можно его здесь подождать? – осторожно поинтересовался я.

– Если деньги есть, плати и жди, – по лицу пожилого дядьки было заметно, что для него я переключался из разряда «клиенты» в разряд «шляются тут». Я вздохнул.

– Извините за беспокойство, – еще раз поклонившись, я вышел за дверь. Дождь прекратился, но небо было серым и мутным, так что он в любую минуту мог начаться снова. Я огляделся в поисках подходящего укрытия. Ждать мне, судя по всему, предстоит долго. Возможно до вечера. Почти напротив гостиницы стоял серый дом без окон с большими двухстворчатыми воротами, над которыми имелся небольшой навес. Какой-то склад, наверное. Но в данный момент никакой активности возле него не было, как и вообще во всем переулке, так что я, не чувствуя никаких угрызений совести, уселся под навесом.

Только теперь у меня появилось время обдумать сегодняшние события. А особенно одно из них. Когда мой кулак заискрился, словно динамо-машина фокусника, и уложил недоросля наповал. Получается, что Локки прав, и я действительно колдун? Говорят, колдовство передается исключительно по наследству. То есть сын колдуна может колдуном и не быть, но у колдуна обязательно либо мать, либо отец колдуны. В Озерном дворе про колдунов любила рассказывать бабушка Дори. Причем не сказки, а сплошь какие-то ужасные истории. Одна история мне особенно запомнилась... Хотя я потом старался о ней не вспоминать, но все равно в память врезалась. О том, как в одном городе за ночь перебили всех детей младше 12 лет. Ну или тех, кто выглядел младше. Ой, нет, не стоит сейчас об этом... Собственно, к

чему я это вспомнил? Моя мать не была колдуньей точно. А вот отец... Я про него ничего не знаю, мама сказала, что он погиб на границе. Неудивительная судьба, там много кто умирает и сейчас. Я родился уже после его смерти. А вот кем он был... Я знаю, что мама родилась не в Озерном дворе. Что приехала она туда незадолго до моего рождения. Из какого-то города, вроде не из Сердца Мира. Она врач, очень утонченная и образованная дама. Она и в деревне осталась врачом. Ну и еще учила детишек иногда. Получается, что мой отец – колдун? Хоть возвращайся в Озерный Двор, чтобы у нее правду узнать! Вот ведь что странно – никто в Озерном Дворе и не думал шептаться или злословить про нашу семью. Галла родилась после меня. Она была одной из многих «детей урожая». Вообще-то рождение детей без отцов не приветствуется, но в деревнях есть исключения из этого правила. И Галла – одно из них. Кто ее отец – неведомо, да никто никогда и не пытался этого узнать. Как, впрочем, и про других детей, родившихся в конце весны и начале лета.

– Райл? – я был так погружен в свои мысли, что не заметил, как подошел Локки. Вот ведь лопух, я легко мог его пропустить, если бы он меня первым не заметил!

– Привет, – сказал я, поднимаясь и отряхивая штаны. – Вот... пришел. Извини, у меня с утра приключилась небольшая драка, и я вынужден был спешно убежать.

Локки кивнул. Я не знал, о чем его просить. Я вообще не знал, что мне делать. Да и почему, собственно, Локки должен мне помогать? Это ведь я его обманул. Скажи я ему сразу все напрямик, ничего бы не случилось.

– Знаешь, Райл, я тут все думал, как тебе помочь, – начал Локки, – я могу попробовать помочь тебе покинуть страну и договориться о встрече с моим начальником. Будут проблемы, конечно...

Локки помолчал, опустив глаза.

– Свир Дундук в том храме больше не живет, – вдруг сказал он. – Я был там сегодня. Так что денег у меня не особенно много. Я собираюсь завтра уезжать из Сердца Мира. Мы можем попробовать оформить тебя как моего слугу, если на взятки денег хватит... Но...

– Не такая уж я крупная птица, да? – понимающе кивнул я.

– В общем, да, – согласился Локки. – Да и я тоже не орел. Так, мелкая птаха. Первое задание было, и то я провалил, получается. Хоть не раскрыли пока, и то хлеб. Моя рекомендация гроша ломаного не стоит, если честно.

– Ну что ж... – я вздохнул. – Приятно было познакомиться. Буду выкручиваться сам как-нибудь. Может, увидимся еще.

Вдруг я отчетливо понял, что да. Увидимся.

Глава пятая,

в которой Райл получает-таки работу, но ненадолго, потому как сталкивается с вербовщиками, которые не особо церемонясь отправляют его в накопительный лагерь для отправки на границу.

Я стоял возле входа в «Читальный дом» и не решался войти. Было страшно. Наверное, было лучше пойти к Креду, но его «Пыльные страницы» очень уж близко от места моего бывшего обитания, а наткнуться на Чарли и Рохлю Бума мне не хотелось совершенно. И еще мне очень хотелось видеть Аду. А еще именно отсюда начались мои неприятности, и, может быть, удастся еще раз встретить мистера Ода и побеседовать с ним. О литературе.

Наконец я решился и открыл дверь. Мелодично звякнул колокольчик. Зал был таким же, как и в прошлый раз. С одним лишь исключением – за столами сидело несколько посетителей, увлеченно читавших книги. Впрочем, они не обратили на меня ни малейшего внимания. Зато от одного из столов откатилось кресло на больших колесах. Очевидно, этот рыжебородый сухонький человек с пронзительно-синими глазами и есть Расмус.

– Здравствуйте, – вежливо поклонился я. – Я хотел бы с вами поговорить. Мое имя Райл...

– Ах вот ты какой, коллега по цвету волос! – голос у Расмуса был звонкий, как будто принадлежал мальчишке, а не битому жизнью человеку. – Ну и тебе тогда желаю здравствовать. Пройдем, поговорим. Только надень тапки, у меня ценный паркет!

Я достал из корзины пару мягких шлепанцев и заскользил по паркету вслед за каталкой отца Ады. Похоже, она про меня ему рассказывала. И судя по оказанному приему, что-то хорошее. Я прибодрился и зашагал увереннее. Хотя в скользких шлепанцах на паркете это было очень трудно сделать. Приходилось все время следить, чтобы ноги не разъехались.

Кабинет Расмуса оказался крохотной клетушкой, где едва помещался громоздкий письменный стол и стул. Видимо, для посетителей, потому как хозяин на своем кресле приехал.

– Ну-с, молодой человек, – Расмус сложил руки на стол и выжидательно уставился на меня своими жутковатыми глазами. – О чем у нас пойдет речь?

– Видите ли, – замялся я. – У меня случились неприятности...

– Это бывает, – энергично покивал мой собеседник.

– Теперь я без документов и денег... Не сложилась у меня судьба в столице, но и уехать я не могу, получается. Понимаю, что можно подождать, когда меня патруль поймает и из города выкинет, но ведь тогда я больше не буду иметь права сюда приехать, ведь так?

– Таков закон, ничего не поделаешь, – снова кивнул Расмус.

– У меня очень мало знакомых здесь... – я мучительно пытался подобрать слова. – Не успел обзавестись как-то. Вспомнил, что Ада мне сказала, что вы нанимаете иногда в помощь кого-то... Может быть вы могли бы...

Я почувствовал, что у меня краснеют уши. Хорошо еще, что их волосы прикрывают. Но раз уши покраснели, то и до щек недалеко. Буду сидеть тут пунцовый, как вареный рак.

– ... нанять меня на несколько дней. Мне бы только заработать на выездную пошлину и дорогу до дома! Согласен на любую работу...

Расмус смотрел на меня. Пауза затягивалась, и теперь я почувствовал, как жар приливает к щекам. Проклятье всех рыжих! Ну что же он молчит?! Я опустил глаза и попытался вжаться в стул.

– Вы понравились моей дочери, молодой человек, – сказал, наконец, Расмус. – По вашему лицу видно, что человек вы неплохой. Вот как мы поступим: я пускаю вас к себе пожить как друга семьи или даже родственника. Скажем, племянника. Вы помогаете мне отремонтировать подвал. Не считая текущих дел по дому, разумеется. Если все у нас сложится, я помогу вам решить проблемы с пошлиной и дорогой.

Спасен! Я едва не закричал от радости!

– И еще, – продолжил Расмус. – Поскольку мы никак не можем оформить наши взаимоотношения, я попросил бы вас принести мне... клятву.

– Клятву? – опешил я.

– Ну да! – энергично кивнул Расмус. – Поклянитесь тем, что для вас свято. Что вы проникли в этот дом с добрыми намерениями и обязуетесь всецело мне помогать в делах.

Я положил руку на сердце и поднял глаза вверх:

– Клянусь здоровьем моей матери и жизнью моей сестры, что в душе у меня нет черных мыслей, и что в этот дом я пришел с чистой совестью и желанием оказать вам посильные услуги. Я клянусь выполнить все возложенные на меня обязанности, ежели только они не пойдут вразрез с законом и не потребуют от меня непристойных действий. Вот... – я взглянул на рыжебородое лицо моего «дяди».

– Спасибо, молодой человек, – произнес он и дернул за шнурок, свисавший со стены. – Сейчас придет Ада, она покажет тебе твою комнату.

Ада появилась практически сразу. Увидев меня, она сначала улыбнулась мне, потом отцу.

– Я знала, что он тебе понравится, папа! – радостно сказала она. – Привет, Райл.

– Ада, милая, проводи молодого человека в комнату на чердаке, – сказал Расмус. – Твой кузен поживет немного у нас и поможет сделать книгохранилище в подвале.

Брови Ады удивленно поползли вверх.

– Кузен, папа? – начала она, потом спохватилась. – Ах да, конечно же! Я так давно не видела брата, что уже почти забыла, как он выглядит! Пойдем, я провожу!

Комнатка была крохотной, под самой крышей. Одна стена наклонная, полукруглое окно. Из мебели имелась кровать с пышным матрасом, сундук для вещей и стул. На полу – домотканый полосатый коврик. Ада сноровисто подняла крышку сундука и достала оттуда постельное белье.

– Постелешь сам, хорошо? – Ада положила пахнущую цветами стопку на кровать. – А то у нас сегодня клиентов куча, папа не справляется. Представляешь, сегодня зашел один ненормальный и купил сразу десять книг! Три любовных романа, учебник по астрономии, два словаря и пять сборников стихов. Я не понимаю, зачем может понадобиться такой странный набор книг. Ой, ладно, я побежала, меня ждут. А ты, как обустроишься, спускайся вниз, отец тебе все расскажет.

И она выпорхнула за дверь. У меня своя комната, надо же! Никогда в жизни у меня не было своей комнаты. В Озерном дворе мы все втроем спали в одной спальне, а в рабочем доме... Да что там... Жаль, что это ненадолго все. Как бы мне хотелось остаться здесь навсегда! А может быть, не так уж это и нереально? Мы с Адой могли бы полюбить друг друга и пожениться. Я бы помогал им, вел бы хозяйство, обслуживал клиентов, ходил на рынок за продуктами. Потом у нас бы родились дети... Эх, мечты! Надо, однако, приниматься за дело, решил я, и принялся застилать постель. Вещей у меня не было, так что обустройство ограничилось кроватью. А простыней я не видел с самого дома, в «Счастливом завтра» этой спальни принадлежностью пренебрегали. Да и подушки там были так, одно название. Да и то не у всех.

– Значит так, молодой человек, – Расмус снова привел меня в свой кабинет. – У нашего дома очень обширный подвал, и большая часть его пустует. Я планирую оборудовать там книгохранилище, но для этого потребуется основательно потрудиться – настелить пол, построить перегородки и стеллажи, наладить вентиляцию. И вы мне в этом поможете. Начнем мы с завтрашнего дня, а сегодня вы поможете Аде сходить за продуктами.

– Раз мы с тобой вдвоем идем, то можно и тележку взять, – Ада зашнуровала, наконец, свои высокие ботинки. – Одна я с ней не могу управиться, а вдвоем – запросто. Обычно-то я на рынок с корзинкой хожу, купить мало получается, так что выходит дороже. А сегодня мы с тобой сможем на неделю продуктов набрать, а то и больше...

Не прекращая говорить, Ада выкатила из ниши тачку на больших колесах. Мы ухватили ее за оглобли и потащили. Колеса слегка поскрипывали, но было заметно, что за тележкой ухаживали, даже пока она без дела стояла. А может Расмус нанимал кого-нибудь иногда, мало ли, зачем тачка может пригодиться?

Ада с удовольствием и вкусом болтала о том, о сем. А я с удовольствием слушал. А когда она спрашивала, рассказывал о себе, о своем детстве, об Озерном Дворе. Слушала она с таким же вкусом, как и говорила – глаза блестят, а уши внимательно ловят каждое твое слово. Мне было спокойно и радостно, несмотря на тяжелую тачку и гомон рынка вокруг.

– Говорят, – Ада остановилась и отерла со лба пот, – что за продуктами надо ходить ранним утром. Только это ерунда все. Утром торговцы только приходят, строят планы на большую прибыль и цены ставят высокие. А ближе к вечеру, когда уже уходить надо, а прилавков еще полный, они его продают, лишь бы продать. Рано утром только за рыбой надо ходить. А то она за день испортиться может...

Мы нагрузили нашу тачку мешками с крупой, вилками капусты, связками морковки, лука и чеснока, ковригами хлеба и прочими съестными припасами.

– А зачем столько припасов, Ада? – спросил я, в самом деле недоумевая, для чего двоим людям столько еды. – Неужели вы с отцом так много едите?

– Мы – нет, – ответила Ада, закинув за спину рыжую косу. – Но у нас собирается клуб книжечеев два раза в неделю, а вот они поесть любят, не смотри, что все как один тощие очкарики! Папа у меня знаешь как вкусно готовит?

Тут я почувствовал, что в животе заурчало. Не мудрено, впрочем, после гороховой каши ранним утром я больше ничего и не ел... Тут я разозлился на себя. У меня забот выше крыши, а я только о еде и думаю! Некоторые неделями голодают, и ничего, а тут – надо же! – без обеда разок остался, и расклеился. Я нахмурился, и покрепче ухватился за оглоблю.

Когда мы вернулись, Ада сразу же побежала заменить отца в читальном зале, а меня отправила через внутренний двор к кухне. Я уже почти дотащил тяжеленную телегу до дверей, как показался Расмус на своей каталке.

– Отлично, молодой человек, – улыбнулся он, демонстрируя здоровые и крепкие зубы. Я вдруг понял, что он моложе, чем показался мне сначала. – Сейчас я тебе буду показывать, куда что класть, а потом ты сразу же с кухни уйдешь, не люблю, когда в моем царстве долго другие люди околачиваются.

Утро выдалось тяжелым. Я проснулся затемно и вышел из дома, когда едва рассвело. Мне предстояло пересечь почти весь город, чтобы попасть на Деревянный двор – заказать дубовые доски и брус. Еще надо было найти песок и кирпичи. Разумеется, Ада со мной на этот раз не пошла – у нее и так было много работы. Кстати сказать, купить доски не удалось. Я поговорил с несколькими торговцами, записал цены и предложения, зато с песком все получилось хорошо, и, удовлетворенный сделкой, я пошел искать Жестяной рукав. Это было не срочно, но мне было по дороге. Когда я закончил свой вояж по городу, время уже близилось к вечеру, а ноги мои гудели. И все равно я чувствовал себя почти счастливым, поэтому решил позволить себе передышку и завернул в таверну «Яблочный пирог». Расмус выделил мне денег на обед, так что я никоим образом не нарушал нашего договора. В таверне былолюдно и дымно, видимо на кухне что-то сгорело. Когда глаза мои привыкли к полумраку, я понял, что все столики заняты.

– Эй, парень! – окликнул меня кто-то и левого угла. – Присоединяйся ко мне!

Этот столик был занят лишь частично – за ним сидел один человек. Остальные посетители старательно отворачивались и делали вид, что там никого нет. Я пожал плечами и направился к пригласившему меня мужчине. Он широко улыбнулся и приглашающее похлопал по стулу. С одной стороны, я чувствовал себя как-то неловко – посетители таверны бро-

сали на меня какие-то очень уж многозначительные взгляды. Знать бы еще только, что они значат... С другой – в этом городе в каждом районе свои порядки. Может быть, это просто местный пария. Ну или просто чужак, как и я же.

– Садись, дружище! – у моего собеседника имелся какой-то слабоуловимый акцент, он был темноволос и темноглаз, а лицо украшали огромные пушистые усы, за которыми он, по всей видимости, тщательно ухаживал. – У меня сегодня маленький праздник, а мне не с кем разделить радость. Так что угощайся!

Стол просто ломился от бутылок и тарелок.

– Добрый день, – вежливо сказал я. – Меня зовут Райл. А что у вас за праздник?

– Я Драго! – ответил собеседник и снова широко и открыто улыбнулся. – Меня взяли на отличную работу, о которой я давно мечтал. И еще – девушка, которую я люблю, согласилась выйти за меня замуж. И все это в один день, представляешь?! Давай выпьем за это!

И он разлил в оловянные чарочки темно-янтарную жидкость. Я поднес напиток к лицу. Пахло незнакомо, но приятно. Драго хохотнул.

– Это коньяк, дружище! Настоящие мужчины должны пить коньяк, а ты ведь настоящий, не так ли?

Трое мужичков неопределенного возраста, сидевшие за соседним столиком, стали спешно подниматься со своих мест. Они смотрели на меня... с сочувствием? Один из них что-то шептал мне одними губами: «Беги! Беги, пока не поздно!» Драго проследил за моим взглядом и спешно звякнул своей чаркой об мою:

– Будем здоровы! – и одним махом закинул в себя содержимое. Я пожал плечами и тоже выпил. Огненным ручьем жидкость полилась в горло, теплыми струями пробежала по жилам и мягко стукнула в затылок.

– Что, хорошо пошла? – усмехнулся Драго. – Давай еще по одной!

Мне неожиданно стало тепло и легко. Я весело кивнул и подставил свою чарку. Вторая порция незнакомого бодрящего напитка пошла еще приятнее. А потом...

Что было потом, я помню плохо. Чарочки сходились в металлическом звоне бесчисленное количество раз. Я закусывал коньяк кусочками восхитительно ароматного мяса и почти прозрачными ломтиками рыбы. Потом симпатичная пухленькая официантка принесла большое блюдо с пышущими жаром кусками свинины, и мы с Драго резали лимоны, поливали их кислым соком ее румяные ломти, отчего она становилась еще вкуснее. Потом Драго заказал еще одну бутылку коньяка. А еще мы говорили. Дословно воспроизвести наш разговор я, пожалуй, не смогу... Но крутился он вокруг того, что наша жизнь стала бедна на подвиги, а настоящим мужчинам надо периодически рубать драконов и спасать принцесс. Драго рассказывал мне какие-то истории про войну, а мне было необыкновенно весело и интересно их слушать. Отличный парень Драго казался мне самым лучшим другом на свете. Мы понимали друг друга с полуслова. К концу второй бутылки он сказал, что знает, что мне нужно. А я знал,

что этот замечательный человек плохого не посоветует. Мы вышли из «Яблочного пирога», смеясь и поддерживая друг друга. Я вдохнул свежего воздуха и наступила темнота...

Когда я очнулся, мне показалось, что я снова в «Счастливом завтра». Струганные доски верхних нар, тощий матрас, подушка-одно-название, к тому же кто-то стянул с меня одеяло. Я попытался поднять голову, но тут перед глазами все поплыло, и я рухнул обратно. Я болен? Все эти интриги со шпионами и колдовскими книгами привиделись мне в горячечном бреду? Несмотря на головную боль, я почувствовал невиданное облегчение. Правда, ненадолго...

– Смотри-ка, он очнулся! – голос был незнакомым. – Эй, везунчик, как твоя голова?

Я снова попытался приподняться и сфокусировать взгляд. Это было не «Счастливое завтра». Комната была значительно больше, рядов нар не два, а как минимум три. А может и четыре, мне с моей позиции было плоховато видно. Недалеко от меня сидела компания из парней моего возраста и играла в карты на какой-то круглой деревянной штучке.

– Добро пожаловать в армию! – издевательски проговорил один из них. – Бочка с водой у входа, сортир на улице, смотри не перепутай!

Парни заржали. Довольно беззлобно, правда. Смысл слов шутника дошел до меня не сразу. А когда я понял, то даже головная боль отступила на второй план. Я теперь В АРМИИ?! Когда я успел подписать контракт?! И тут картинка обрела резкость и цельность. Да, конечно же... Вот почему от Драго шарахались посетители таверны. Они знали, кто он такой. Ни один житель Сердца Мира в здравом уме и трезвой памяти не подойдет к вербовщику сам. А я же вчера был, мягко говоря, нетрезв. Да и с памятью у меня тоже как-то не очень... Мне захотелось закричать, затопать ногами, убедить их, что это ошибка, что у меня много дел, и я никак не могу идти в армию. Я даже сделал резкое движение, чтобы подняться. Но тут в моей голове забили колокола и затрубили трубы, а желудок, такое впечатление, вознамерился выскочить наружу. Так что подниматься мне все-таки пришлось в силу естественных потребностей, но кричать я ничего не стал. Чтобы не выглядеть идиотом.

Вернулся я еще более тихим и присмиревшим. В голове громоздились обрывки горестных мыслей: «Прощай, Ада, прощай счастливая спокойная жизнь. А может быть, и вообще жизнь...» Оказалось, что незнакомый круглый предмет, на котором играли в карты мои товарищи по несчастью это щит. Не мудрено, что я сразу его не узнал, трудно опознать предмет, который въяве никогда не видел.

– Ну что, легче стало? – с деланным сочувствием поинтересовался все тот же шутник. Остальные снова заржали.

– Куда мне до вас, до добровольцев, – неожиданно съязвил я. Парни заржали снова. Шутник дружески хлопнул меня по плечу:

– Да не, мы такие же неудачники, как и ты! Я сам вчера проснулся на нарах с гудящей башкой, а вербовщик мне подписанным контрактом в морду тычет. Ну ничего, живы будем – не помрем!

– Еще неизвестно, кто хуже – вербовщики или жандармы, – подал голос subtilный блондин в рваной клетчатой рубахе. – В конце концов на границе не все умирают.

– Если бы все умирали, то колдуны нас завоевали бы давно! – с жаром вклинился в разговор громила с едва пробившимися усиками.

– А я-то думал, кто у нас тут доброволец... – присвистнул шутник.

– Я просто патриот, – смутился юный верзила. – А в армию не хотел, у меня вообще свадьба была назначена через месяц...

– И что нас теперь ждет? – осторожно спросил я.

– Да известно что, – шутник достал из кармана сухарь, покрутил его в руках и закинул в рот. – Приедут командиры разных отрядов и разберут нас, как товар на рынке. И на границу, в самую колдовскую мясорубку.

Раздался гулкий удар гонга. За ним еще один. И еще. А потом громкий голос пояснил для непонятливых:

– Эй, новобранцы! Вас ждет вкусная и сытная жрачка!

Глава шестая,

в которой Райла вместе с еще двумя такими же "счастливчиками" забирает к себе командир отряда Манतिकоры. На всех троих сочувственно косятся даже вербовщики...

Какой я все-таки идиот... После действительно и умеренно вкусного обеда мои товарищи по несчастью расползлись по нарам, а я остался наедине со своими мыслями. Перед тем, как выйти вчера из дома я решил, что таскать с собой в людные места запрещенную книгу будет ошибкой, так что я оставил ее дома. Выбрал самый пыльный из книжных шкафов и сунул ее во второй ряд. Кто ее будет там искать? А сейчас получается, что я подставил хороших людей, и, возможно, им теперь не поздоровится, если возле «Читального дома» окажется человек, должным образом экипированный. Что подумал Расмус, когда я не явился вчера домой? Что я бессовестно стащил выделенные мне на расходы деньги и сбежал? Хорошо хоть я отказался взять крупную сумму, чтобы на месте расплатиться за строительные материалы – мой аргумент насчет воров признали здравым, да и крупные сделки на улицах не совершают. Вот доставят товар, и тогда... Правда если отвлечься от мук совести, в моем положении были и плюсы. Как сказал вчера тощий карманник, неизвестно, что хуже. Теперь я нахожусь на службе государству, и если мне повезет, вернусь домой героем. Всего-то год отслужить... Правда надо еще пережить этот год. Ладно, пусть будет, что будет, решил я, и с относительно спокойной совестью уснул.

Разбудил меня гонг, призывающий на ужин. Пока служба в армии мне определенно нравилась – никто никуда не гонит, кормят от пуза, спать не мешают. Интересно, как долго это продлится?

В лагере-накопителе нас было тридцать три человека. Почти все моего возраста, только трое были значительно старше. Они держались особняком и о чем-то таинственно перешептывались. Наверное, строили планы побега.

– Готовят военный переворот, – облизав ложку, кивнул в их сторону шутник. Кстати, как я узнал, звали его Уксус. Настоящее имя он нам не сообщил. Верзила-недоросль приехал из деревни покупать невесте подарок, а сублильный паренек и вправду оказался карманником. Во всяком случае, он так сказал.

– Я попытался обчистить одного из ихних громил, – поведал он, – но тот схватил меня за руку. Выбирай, грит, или в армию, или в тюрьму. Ну я и выбрал.

Когда мы закончили есть и сдали свои миски, к столу подошел Драго. Он улыбнулся нам своей фирменной искренней улыбкой и сказал:

– Значит так, новобранцы! Не дело оставлять ваших родных в неведение о вашей судьбе. В конце концов, вы попали в ряды доблестной армии, а не на каторгу. Так что сейчас тем, кто умеет писать, раздадут бумагу и карандаши, а тем, кто не умеет, надо будет назвать адрес, по которому отправится письмо.

К столу подбежал мальчик с пачкой бумаги. Драго с благостным видом наблюдал, как десятеро из нас взяли себе по листку. Я нацелился было писать, но тут Драго снова заговорил:

– Пишем под мою диктовку! Если вы решите заняться самодеятельностью, то ваша судьба так и останется для родственников загадкой. Итак! Дорогая мама! Здесь позволяю вольности. Обращайтесь, к кому считаете нужным. Написали? Продолжаем! Я давно мечтал о славе и подвигах, и наконец мне улыбнулась удача. Теперь я состою на службе в доблестной армии королевства Гвиндассад и буду охранять ваш покой и сон. Простите меня, что не предупредил вас заранее, хотя решение мое зрело уже давно. Желаю вам счастья и процветания, а вы пожелайте мне побед и свершений. Ваш... Здесь вам нужно написать свое имя. Все написали?

Я написал «дорогой дядя Расмус». Мне хотелось написать Аде, но тогда пришлось бы называть ее сестрой, а мне почему-то очень этого не хотелось. Надо же, я продолжал строить насчет нее личные планы, несмотря на свое плачевное положение! Я дописал последнюю букву адреса и протянул письмо Драго. Незапечатанным, как и было велено.

Он мне подмигнул:

– Не дрейфь, дружище, тебе понравится служить! Я таких людей за версту чую!

Вот уж точно, подумал я, на идиотов, вроде меня, у него нюх.

Драго отвернулся и сделал несколько шагов от стола. Потом вдруг оглянулся и сообщил:

– И еще, новобранцы! Ваше ожидание почти закончилось. Завтра после завтрака за вами приедут ваши командиры.

На лицах моих товарищей по несчастью отразились самые разные эмоции. Деревенский верзила скорее обрадовался, чем огорчился, он сидел тут уже почти неделю. Карманник скривился, видимо ему не очень-то хотелось воевать. Шутник разочарованно вздохнул. А что почувствовал я? Наверное, страх...

Зато спалось мне неожиданно хорошо. Наверное, зря я уехал из Озерного двора, где жизнь расписана на годы вперед... Неопределенность просто сводит меня с ума. Странно, что мне самому не пришло в голову наняться в армию в тот момент, когда я сидел под мостом, изнывая от неуверенности в завтрашнем дне. Кроме того, письмо... Моя совесть теперь была почти чиста – Расмус и Ада хотя бы не будут теперь думать, что я позорно сбежал или что меня убили где-нибудь. Хотя последнее еще вполне может произойти.

Снилось мне что-то мутное и неприятное. Сам сон я не помню, а вот ощущение, что из меня вытягивают все жилы, чтобы свить веревки осталось даже после гонга. Я даже усмехнулся этакому пророчеству. На месте службы из меня совьют не только веревки...

Завтрак состоял из миски каши, жареной ливерной колбаски, кружки чая и изрядного ломтя серого хлеба. А потом...

– Новобранцы! – голос Драго звучал торжественно. – Вы выбрали для себя тяжелую, но интересную судьбу! Я горд за каждого из вас! Настало время направить вас к местам несения службы. Сейчас я представлю вам ваших будущих командиров.

Мы стояли на плацу перед бараком... то есть, казармой, конечно. Не привык пока к армейской терминологии. А перед нами кроме Драго и его юного помощника (адъютанта?) стояло пятеро очень колоритных личностей. А нас со вчерашнего дня стало на пять человек больше, то есть тридцать восемь.

– Мистер Добс, – Драго указал на грузного, похожего на гору человека с маленькой головой и огромными руками. – Командир отряда Буйволы, который квартирует в форте Особняк на юго-восточной границе. Чтобы служить там, вам потребуются железные мускулы, в приобретении которых мистер Добс вам всячески поспособствует.

Человек-гора улыбнулся. Одного переднего зуба в его улыбке не хватало. У меня по спине пробежал холодок...

– Мистер Гостон, – продолжал тем временем Драго. Представленный мистер вовсе не выглядел военным. Высокий и худой господин с брезгливым лицом аристократа. Его волосы были тщательно уложены, а усы блестели. – Скажу больше. Это не просто мистер, в его имени присутствует также и титул. Но какой – вам знать необязательно, потому что у нас в армии все равны. Мистер Гостон командует отрядом Незабудка, который квартирует... Много где квартирует. Если мистер Гостон вас выберет, то вы сами обо всем узнаете.

Хм... Может это какой-то штаб? Мне было трудно представить этого франта, носящегося по джунглям с раскрашенным лицом и мачете.

– Мистер Эйб, – перешел Драго к следующему пункту нашей программы. Абсолютно лысый, устрашающе огромного роста, один глаза закрыт повязкой. – Командует отрядом Мантикоры, который квартирует в полевых лагерях на южной границе и места постоянной дислокации не имеет. Мантикоры – гордость нашей доблестной армии! Если вам повезет служить там, вы никогда этого не забудете, я вам обещаю.

Страх скрутил меня. Я уставился на мистера Эйба, а мистер Эйб в свою очередь на меня. Вот он, решил я. Он меня и выберет. Южная граница. Джунгли.

– Мистер Юта, командует отрядом Орлов Возмездия, – Драго сделал паузу. – Вы знаете, что такое Орлы Возмездия? О, если вам посчастливится попасть под крыло мистера Юты, вы станете страхом в ночи, вонзающим острые когти в глотки врагов, когда они меньше всего этого ждут! Вы уже мечтаете служить там?

Мистер Юта был похож на библиотекаря. Или студента-переростка. У него даже очки имелись.

– И наконец мистер Хахо, – Драго поклонился. – Мое почтение, господин командующий! Мистер Хахо возглавляет не отряд, но форт! Героический форт Янтарный Череп уже восемь лет не могут взять наши враги, хотя пытаются едва ли не каждый день. Там квартирует сразу три отряда – Лисы, Оборотни и Богомолы. По прибытию на место службы вы сможете выбрать любой из них.

Мистер Хахо выглядел именно так, как я и представлял себе военных. Пожилой, молодцевато подтянутый джентльмен в идеально сидящей униформе. Бакенбарды с проседью и

короткая стрижка. А вот остальные выглядели скорее пиратами каким-то или разбойниками...

– Все командиры перед вами, и скоро вы сможете сделать свой выбор! – объявил Драго. В рядах загомонили, откуда-то сзади раздался голос:

– А можно узнать еще...

Послышался звук увесистой плюхи и сдавленный стон. Драго гордо выпрямился, еще выше задрал подбородок и сложил руки на груди.

– Новобранцы, – он обвел нас угрожающим взглядом. – Вы все, несомненно, станете героями, но до этого вам предстоит долгий путь. Вам придется многому научиться и усвоить немало разных правил. И правило первое – железная дисциплина. Враг, с которым вам предстоит сражаться, хитер и коварен. Кроме того, он очень могущественен. Вы пока что зеленые новички, так что вам необходимо во всем и всегда подчиняться приказам командиров. И начнете вы усваивать это правило прямо сейчас. Если вам не разрешили говорить, то вы должны молчать. Если вас спрашивают, немедленно отвечайте. Кратко и по существу. Ясно?

– Яаааснооо! – разрозненно повторил строй.

– А теперь еще раз, но отчетливо!

– Ясно! – более отчетливо грянул хор голосов.

– А теперь мы продолжим, – Драго принял более свободную и менее угрожающую позу. – Сейчас командиры на вас посмотрят, и вы пойдете за тем из них, кто вас позовет.

– Вот тебе и свободный выбор, – прошептал стоявший рядом со мной Уксус. Кроме меня этого никто не услышал, но, мне почему-то показалось, что почти все подумали то же самое. Во всяком случае, я подумал. А командиры, тем временем, бродили вдоль нашего строя, тихо задавали вопросы, вглядывались в лица, щупали мышцы. Разве что в зубы не заглядывали, но и это, я думаю, нам тоже предстоит... Первым возле меня остановился очкарик.

– Мистер, – тихим голосом начал он. – Вам приходилось когда-нибудь проникать в закрытое помещение?

– Нет, мистер Юта, – честно ответил я, и он сразу же потерял ко мне интерес. Мистер Добс даже не остановил на мне взгляд, зато...

– О, рыжий! – сверкнул своим единственным глазом мистер Южные Джунгли. – Я тоже был рыжим, пока у меня были волосы. Ты мне нравишься, новобранец. Добро пожаловать в отряд Мантикоры.

– Да, мистер Эйб, – осипшим голосом проговорил я. – Очень рад, мистер Эйб.

– И ты, – мистер Эйб ткнул костлявым пальцем в Уксуса. – Считай, что тебе тоже забронировано место в лучший отряд по эту сторону границы.

– Да, мистер Эйб, – эхом отозвался шутник.

Сегодняшний день никоим образом не напоминал вчерашний. Выбор места службы сменился раздачей обмундирования, затем нас снова согнали на плац и кратко рассказали, какая дорога нас ждет впереди. В пути нам предстояло быть не менее двух недель. Потом был обед, а потом нам позволили разойтись по местам. Уныние и страх отступили на второй план. В казарме царило радостное возбуждение и даже предвкушение предстоящей дороги и дальнейших приключений. Большая часть новобранцев, как и следовало ожидать, направится в форт Янтарный Череп. Тощего карманника забрал к себе мистер Юта. Больше никто в Орлы Возмездия не попал. Брезгливый аристократ осчастливил одного из пожилых новобранцев и еще двух парней совершенно не запоминающейся наружности. Человек-гора выбрал себе жениха-неудачника и еще одного парня, не столь героических пропорций, но тоже далеко не задохлика. А в Мантикоры попали я, Укус и Гало, высокий молчаливый субъект. Они ни разу ни с кем не заговорил и не поддержал разговора. А имя его назвал Драго на переключке. Таковы были результаты нашего распределения. Кстати, мое собственное настроение тоже было далеко от унылого. Может быть, все не так уж и плохо. Я ушел из дома, чтобы научиться жизни, стать уважаемым человеком и найти свое место в этом мире. А стать уважаемым человеком через службу в армии очень даже можно.

После годичного контракта, который мы все подписали, нам обещали оплатить нашу службу, выдать выходное пособие (оно включало в себя одежду, обувь и продукты) и рекомендации на службу в государственные учреждения и на фабрики, находившиеся под государственным протекторатом. Как нам объяснил вечером Драго, за этот год мы все поймем, по силам ли нам связать свою дальнейшую жизнь с армией. А также армия поймет, нуждается ли она в наших дальнейших услугах. Если через год службы мы останемся в живых и не подвинемся рассудком, то нам будет предложен следующий контракт, теперь уже на десять лет. Совсем на других, куда более выгодных и завлекательных условиях. Отслужившие десять лет получают жилье в том месте, которое они сами укажут и пожизненную пенсию, размер которой зависит от заслуг на войне.

Начальство наше делилось на несколько категорий. В отряд входило от двадцати до ста человек (хотя тут бывали и исключения), руководил этим подразделением командир. Командующие же бывали двух видов – командующий фортом и командующий районом. Форты были разного размера, там могло квартировать от двух до десяти отрядов. В районе же либо вообще не было фортов, либо были, но совсем маленькие, на один отряд. Над командующими стояли стратеги. А стратегами управлял министр военных дел.

Утро выдалось солнечным и предвещало жаркий день. Погода наконец-то решила вспомнить, что в Сердце Мира лето и порадовать нас жарким днем. Хотя день этот нам предстояло провести на марше. Сборы получились быстрыми, но без суеты и суматохи. Последние пресекли охранники накопительного лагеря, хладнокровно раздав несколько тычков, затрещин и зуботычин. И наше обучение началось.

– Еще пара часов такого темпа, и никаких Мантикор я не увижу, – задыхаясь от быстрого шага, сказал Укус, – потому что тогда меня придется хоронить.

– Угу, – согласился я. – Особенно если снова придется бежать.

– Стой! – раздалось спереди. – Привал.

Мы кулями повалились прямо на дорогу. Отовсюду раздавались охи и стоны. Действительные солдаты обошли наш обоз, внимательно оглядывая каждого новобранца. Десятерых отправили в фургоны, остальным же предстояло идти дальше пешком. Я мимолетно позабавился счастливицам, направившимся к крытым повозкам, потом подумал, что им, наверное, сейчас сильно хуже, чем мне. Ужасно хотелось уснуть прямо здесь. Но не удалось...

– Подъем! – снова заорали спереди. Я тяжело поднялся на ноги, потом подал руку Уксусу. Его тоже посчитали достаточно выносливым для продолжения пути на своих двоих. И мы принялись снова считать шаги, потому что сил ни на что другое уже не оставалось.

Привал на обед объявили после полудня, когда наш обоз свернул на широкую площадку перед воротами другого накопительного лагеря. Здесь к нам должны были присоединиться другие новобранцы – рекруты из деревень и пойманные на дорогах. Сквозь кровавую пелену усталости я отметил, что их где-то человек пятьдесят, не меньше.

– О, да к вам нынче, я смотрю, сплошные звезды боевых действий пожаловали! – раздался чей-то веселый голос почти над самым моим ухом.

– О, да! – ответил солдат, которого я уже успел запомнить. Хайл из накопительного лагеря. – Мистер Юта! Надо же, не думал, что его увижу! Да и Мистер Эйб...

– Кого взял? – спросил первый.

– Вот этих двоих, – ответил Хайл. – И еще один в фургоне, ему поплохело на марше.

– Не жилец, – я открыл глаза и посмотрел, с кем разговаривает Хайл. Мужчина был чем-то похож на Драго. Такой же бравый, улыбчивый и без формы. Вербовщик. Теперь-то я знаю, как они выглядят. Он махнул мне рукой и обнажил в улыбке ровные белоснежные зубы.

– Удачи тебе, парень! Она тебе ох как понадобится!

И эти двое ушли. А я решил, что пора подниматься. А то разморит так, что дальше идти не смогу. Я размял ноги и направился к бочкам с водой, стоявшим у ворот. Отцепил от пояса кружку, которая входила в комплект нашей экипировки, зачерпнул, сделал несколько глотков. «Не пей сейчас много, а то вода как песок в животе будет. Будет тебя к земле тянуть!» – вспомнилось мне поучение Худа из Озерного двора, с которым я как-то ходил на охоту. Я вылил остатки воды себе на голову. Взгляд сразу стал яснее. Зачерпнул еще воды и пошел обратно, к тому месту, где лежал Уксус. Его длинные темные волосы разметались по пыльной земле. Он спал, подложив под голову руку. Нашел время!

Наконец из ворот выкатили на тележках котлы и стопки мисок. Начали раздавать обед. Я думал, что после еды будет еще хуже и смертельно захочется спать, но этого почему-то не произошло. Я вдруг взбодрился и почувствовал, что готов продолжать путь. Через полчаса после еды мы двинулись дальше. И уже через несколько минут я понял, что сильно переоценил свои способности. Мне хотелось лечь и умереть. На первом привале меня и Уксуса отправили в фургон, где я благополучно заснул.

Следующая неделя слилась для меня в подсчет шагов с перерывами на еду. Я находился будто в тумане, от усталости реальность воспринималась продолжением сна, а сон был черной ямой, в которую я падал по команде и в которой мечтал остаться. Каждое утро меня вырывали из блаженного небытия, и все начиналось снова. Раз-два, раз-два... Нещадно палящее солнце жгло с каждым днем все сильнее. Пот заливал глаза. Раз-два, раз-два! Подъем вверх, через гряду холмов. На горизонте горы. «Мужайтесь, новобранцы! Это будет первое испытание, пройдите его с честью!» Подъем в горы. Я падал, поднимался, снова шел, считая шаги. Раз-два, раз-два... Вот Уксус подставил мне плечо, чтобы я не упал. Что это, уже перевал? Какое счастье... Раз-два, раз-два.

Вынырнуть из дурмана у меня получилось только к концу первой недели пути, когда объявили дневку. Мы пришли к большому распределительному лагерю, где сходились и расходилось несколько дорог. Здесь нас покинет Янтарный Форт и Незабудки. А Мистер Юта со своим карманником, как выяснилось, исчез из нашего обоза раньше, еще до гор. Неудивительно, что я не заметил...

Военный лагерь Башмак представлял собой вытянутую огражденную территорию, окруженную невысокими горами, на которой находились склады и казармы. Так что сегодня нам предстояло ночевать под настоящей крышей. И завтра тоже.

Командующего звали мистером Орли. Это был полноватый жизнерадостный человек, похожий на преуспевающего трактирщика.

– Добрались, родненькие? – он улыбнулся, оглядывая наш строй. – Ничего, вы еще привыкните. А я вас сейчас обрадую! В военном лагере Башмак вас ждет отдых. Добро пожаловать, мальчики!

После ужина мистер Эйб собрал нас троих – меня, Уксуса и Гало.

– Наш порядок движения меняется, – сказал он. – Мы выйдем из Башмака затемно и будем двигаться почти до полудня. Потом остановимся, разобьем лагерь и пробудем в нем до сумерек. Потом отправимся дальше. До самого расположения Мантикор мы будем двигаться только по ночам. Вопросы есть?

– Есть, мистер Эйб, – отозвался Уксус. – А почему так?

– Во-первых, чем дальше мы движемся на юг, тем становится жарче, – безо всякого раздражения в голосе произнес наш командир. – А во-вторых, очень скоро начнутся опасные места, вам надо привыкнуть ходить в темноте. А теперь отдыхайте. И постарайтесь завтра получше выспаться. Дальше фургоны нас сопровождать не будут, поэтому поклажу придется нести на себе.

Ни я, ни Уксус не сумели сдержать стонов. Гало закатил глаза и беззвучно вздохнул.

Глава седьмая,

в которой оказывается, что боевой состав Мантикор – это женщины. У Райла шок, вокруг джунгли, разрушенный древний город, москиты и страшные байки.

Самым сложным оказался последний участок пути, когда никакой дороги совсем не осталось, даже тропинки было не заметно. Мистер Эйб вел нас по каким-то ему одному ведомым приметам. Наш маленький отряд состоял из командира, нас троих и еще двух солдат из отряда Мантикоры, которые приехали в Сердце Мира вместе с мистером Эйбом. Один служил в Мантикорах четвертый год, второй – восьмой. И, клянусь, это были отличные ребята! Правда как мы ни пытались разговорить насчет того, что же нас ждет в расположении отряда, завеса тайны так и осталась плотной, без единой прорехи. Как я понял в общих чертах, нам предстоит стать рейнджерами, лестными командос. Да-да, бегать по лесам с раскрашенными лицами и с мачете. Но это было все, что я знаю о Мантикорах. До тех самых пор, пока мы не дошли до лагеря.

Джунгли поразили меня гораздо больше, чем горы. Когда мы пересекали горную цепь Аллилу – естественную преграду к столице на пути от южных границ – я находился в состоянии, близком к обмороку и оценить окружающий меня пейзаж был не способен. А Джунглей мы достигли на третий день пути от военного лагеря. К тому времени от смертельной усталости первых дней марша не осталось и следа, несмотря на увесистый рюкзак за плечами. Лес наступил на нас сразу, без перехода. Мы вступили под его сумрачные своды под утро, когда уже рассвело.

– Теперь нам придется обойтись без палаток, – сказал мистер Эйб, когда ближе к полудню мы остановились. – Обычно так далеко вглубь наших территорий вражеские рейнджеры не заходят, но рассчитывать на это мы не будем.

Дневали мы, прикрывшись ворохом веток. Дежурства делили между собой солдаты и мистер Эйб. Когда я спросил, почему к дежурствам не привлекают нас, командир ответил:

– А вы знакомы с джунглями, новобранец? Сможете отличить настоящую опасность от невинных шорохов, а боевой клич от безобидной перебранки животных?

Я вынужден был согласиться с ним. Джунгли казались мне пестрым одеялом, сплетенным из миллионов незнакомых запахов, звуков и цветов. Как ни вглядывался я в их сумеречную пелену, я не мог ни на чем остановить взгляда – они казались сплошной шевелящейся стеной. А звуки просто сводили меня с ума. Особенно страшно было по ночам на маршах. Визги, чавканье, издевательский хохот, стоны и скрипы. И светящиеся глаза. Множество глаз, больших и маленьких. А может и не все из этого глаза... Светились некоторые грибы, сгнившие куски дерева, светились летающие и ползающие жучки. Это был другой мир, незнакомый, враждебный...

Еще одним бичом нашего пути были насекомые. Когда мы пересекали небольшое болотце, тучи москитов мечтали нами поужинать. А я еще недоумевал, для чего мистер Эйб еще в Башмаке выдал странные шапки из мелкой сетки... Если бы не они, эти жужжащие твари выжрали бы нам глаза. Когда я слышал в детстве страшные истории о южных джунглях, то там постоянно упоминались кровожадные тигры, гигантские панцирные ящеры и

хитроумные дикие собаки. Но на деле ни одна из хищных тварей за все время пути нам на глаза не попала.

– Все это сказки, мальчик! – закончив смеяться, проговорил мистер Эйб. – Вообще здесь есть, конечно, и тигры, и плотоядные рептилии, но они знают запах человека и стараются не вставать у него на пути.

Далеко не сразу я понял, что мистер Эйб лукавил...

На десятый день пути от Башмака вокруг что-то изменилось. Я как раз шел и думал, о том, как далеко теперь от меня Сердце Мира с его проблемами. А прошло-то всего чуть больше двух недель... И тут заметил, что мы идем по беломраморным плитам. Правда их было почти не видно под сплошным ковром травы, но это был точно камень! Я огляделся вокруг внимательнее. Вон там из-под сплошного вороха вездесущих ползучих растений видно как будто угол разрушенного дома, а вон из-за того дерева выглядывает как будто статуя... Обломок резной колонны, почти полностью заплетенный диким виноградом. Слишком правильное, идеальной круглой формы углубление в земле... Мы шли по развалинам какого-то города!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.